

Вячеслав Каликинский

АГАСФЕР

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА
ТОМ I

Детектив с историей (1С)

Вячеслав Каликинский
**Агасфер. Вынужденная
посадка. Том I**

«1С-Паблишинг»

2022

Каликинский В. А.

Агасфер. Вынужденная посадка. Том I / В. А. Каликинский — «1С-Паблишинг», 2022 — (Детектив с историей (1С))

1946 год. Заканчивается Вторая мировая война. Япония капитулировала, Экспедиционный корпус генерала Макартура высаживается в Иокогаме. В ходе тотального разоружения населению страны приказано сдать все огнестрельное и холодное оружие. Семью императора Японии вынуждают сдать оккупационным властям уникальную коллекцию древних мечей, олицетворяющих боевой дух Японии. Опасаясь возмущения народа, американцы решают быстро и тайно вывезти эту уникальную коллекцию из страны. Самолет-амфибия «грумман» должна доставить раритеты на крейсер «Канзас», патрулирующий море в районе Курильских островов. Однако в пути пилот «груммана» вынужден обходить снежную бурю и совершает вынужденную посадку у восточного побережья острова Сахалин. Пилоты прячут секретный груз под каменной скалой и направляются к русскому аэродрому в надежде, что русские союзники по борьбе с Гитлером помогут им связаться с американскими властями. Однако летчиков захватывает остаточная группа японских солдат, скитающаяся в глубоких тылах советской армии после ее стремительного марша с севера на юг. Кажется, уникальная коллекция Японского императора безвозвратно утеряна... Но не все в этом уверены. Исчезнувшие раритетные мечи начинает искать коллекционер холодного оружия из Швейцарии. Не имея возможности открыто работать в России, он нанимает «черного археолога» Алдошин, имеющего богатый опыт поиска японских раритетов. Архивные изыскания и поиск свидетелей позволяют ему восстановить события 65-летней давности, найти останки «груммана» и место захоронения «клада Японского императора». Бесценный клад обнаружен, но теперь предстоит тайно вывезти его из России. Заказчик разрабатывает многоходовую операцию по вывозу из страны бесценной коллекции императорского дома Японии. Однако в ход тщательно спланированной операции вмешивается японский историк и писатель с русскими корнями Андрей Берг...

© Каликинский В. А., 2022

© 1С-Публишинг, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
01	9
02	16
03	22
Ретроспектива-1 (январь 1946 года)	30
Глава вторая	37
04	37
05	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Вячеслав Каликинский

Агасфер. Вынужденная посадка. Том 1

Пролог

Иокогама, Япония. Декабрь 1945 года

– Здравствуйте, учитель! – Худой мальчишка лет 13–15 сломался в поклоне на пороге дома. – Вы помните меня, учитель? Меня зовут Куроки Рока, я учился у вас еще там, в Хиросиме.

Рано поседевший мужчина с трясущейся головой долго вглядывался в лицо мальчишки, потом равнодушно пожал плечами. Опираясь на стену, он отступил вбок, вяло махнул рукой, делая приглашающий жест, и побрел вглубь дома. Поколебавшись, мальчишка пошел за ним.

– У меня было много таких, как ты. Извини, я не помню никакого Куроки, – мужчина остановился, наполовину повернулся и закашлялся, прижав ко рту большую белую тряпку с пятнами крови. – Что ты хочешь, мальчик?

– Я хочу, чтобы вы помогли мне отомстить американцам.

– Американцам? Оставь эти глупости, Куроки Рока! Что ты сможешь сделать? Ты был там, в Хиросиме, во время той бомбардировки?

– Нет, учитель. Но там был мой отец...

Учитель молчал, и мальчишка начал ему рассказывать, как отец отправил его с матерью в деревню, за две недели до того, как американцы сбросили на Хиросиму ту самую страшную бомбу. Отец работал в городе водителем трамвая. 6 августа из-за повреждения рельсов трамвай изменил маршрут, и когда бомба взорвалась, трамвай был засыпан обломками разрушившегося дома. Отец и пассажиры были оглушены, и не сразу выбрались из-под обломков. Отец сразу бросился разыскивать свою старую мать, бабушку Рока, – ее дом был неподалеку. Отец нашел ее мертвой – она сгорела заживо, и все ее тело было утыкано острыми осколками стекла. И все улицы вокруг были усеяны мертвыми телами. Мертвыми и умирающими. Отец погрузил тело своей матери на тачку и повез в деревню, чтобы там достойно похоронить.

– Отец стал седым за один день, учитель. А еще он сошел с ума. Он все время вспоминал, как колеса тачки, на которой он вез тело бабушки, наезжали на тела мертвых и еще живых, которые хватили отца за одежду и за ноги и просили помощи. Но что он мог сделать? У всех были страшные раны, и кожа на людях висела клочьями. А у него не было даже воды. Он вспоминал вспышку света – такую яркую, что она была похожа на падение солнца! И утверждал, что в тот день солнце упало с неба и испепелило людей. Он плакал и кричал ночами, а днем боялся выходить на улицу и сидел взаперти, завесив все окна и двери.

А потом в Хиросиму отправилась искать своих родителей и мать мальчишки. Она не нашла их и вскоре вернулась. А потом отец и мать враз заболели какой-то болезнью. У них был кровавый понос. Сначала деревенский доктор сказал, что это дизентерия, от плохой воды...

Мальчишка замолчал, судорожно сглотнул несколько раз. Учитель кивнул:

– Это не дизентерия, Рока. Этой болезнью людей поразила новая бомба американцев. Те, кто погиб от взрыва не сразу, все равно умерли позже, в страшных мучениях.

– Мой отец сошел с ума, – продолжил мальчишка. – А сестры, ничего не зная о страшной заразе, пошли в Хиросиму, чтобы попытаться найти в развалинах нашего дома хоть какие-то вещи и обменять их на продукты. Нам ведь было нечего есть. И они не вернулись. Потом умер папа. А мама перед смертью велела мне отправляться сюда, в Иокогаму, поискать родственников. А потом люди сказали мне, где вы живете, и я решил найти вас. Помогите мне, пожалуйста!

– Чем я могу тебе помочь, Рока? Я и сам болен, почти ослеп. У меня дома нет ни рисового зернышка!

Мальчишка достал из дорожного мешочка банку консервированных сосисок и пачку галет.

– Возьмите, учитель! Кушайте, пожалуйста! У нас с дядей есть еще! Только помогите мне!

Мужчина сразу встал, схватил консервы и галеты и унес их в другую комнату. Оттуда до мальчишки донесся чьи-то тихие голоса, плач. Потом учитель вернулся, на ходу отламывая кусочки галеты и поспешно сунув их в рот.

– У тебя, наверное, есть хорошая работа, Рока? На продовольственные талоны сосисок в Июкогаме не получишь!

– Я помогаю дядюшке. Он получил работу уборщика в казармах при аэродроме, где сейчас расквартированы американские летчики. А еще я хорошо рисую и делаю чернильным карандашом заготовки для татуировок. Летчики непременно хотят иметь татуировки в японском стиле. Я ненавижу этих летчиков, но они хорошо платят. И дают продукты.

Мужчина с жадностью сосал галеты, и на подбородке у него блеснула нитка слюны.

– Ты просишь помочь тебе, мальчик. Но как именно?

– В школе вы учили нас химии, учитель. Научите меня делать бомбы, пожалуйста!

– Бомбы? Ты шутишь, Рока! Для бомб нужна взрывчатка, а где ее взять? В школьной лаборатории у меня были кое-какие реактивы для опытов, но из них бомбу не сделаешь! Кроме того, ты слишком молод, чтобы объявлять войну Америке. Оставь эти глупости, мальчик!

– Рядом с Сайго Такамори сражались два тринадцатилетних самурая, учитель! – запальчиво выкрикнул Куроки. – И никто не говорил им, что они слишком юные! А мне на два года больше!

– Хорошо, что ты знаешь историю своей страны и ее выдающихся деятелей, Рока! Но вспомни-ка, чем кончили эти два юных героя! Они погибли. Их и похоронили рядом с Сайго.

– Учитель, прошу вас, не отказывайте мне! Для бомб, которые я придумал, не нужна взрывчатка. Мне нужны зажигательные бомбы! А для них подойдет смесь, которая используется в бенгальских огнях! И я уже выменял у лавочника на нашей улице целый ящик бенгальских огней за несколько банок консервов!

– Тогда зачем тебе нужен я? – Мужчина дососал последнюю галету и теперь собирал с низкого столика упавшие крошки.

– Мне нужны приспособления для того, чтобы мои бомбы зажигались не сразу, а часа через два-три. Я хочу незаметно подкладывать их в багаж летчиков перед тем, как они отправятся в полет.

– Военные называют такие устройства взрывателями замедленного действия, – кивнул учитель. – Малыш, неужели ты не понимаешь, что тебя все равно поймают? Тебя посадят в тюрьму или просто пристрелят! А меня, старого человека, весь остаток жизни будут мучать угрызения совести.

Мужчина продолжал суетливо разыскивать последние хлебные крошки, и Рока глядел на него с жалостью и презрением. Он знал, что все равно добьется своего!

– Что ж, очень жаль, учитель! Я просил у вас помощи и хотел помочь вам. Июкогама – город большой, здесь живет много людей. И среди них наверняка найдутся те, кому нужны продукты и кто сможет помочь мне. Кто, так же, как и я, ненавидит американцев. А если я не найду таких людей, то буду делать зажигательные бомбы так, как умею! И подкладывать их в бензобаки американских грузовиков, чтобы они взрывались сразу! Что тогда скажет ваша совесть? Прощайте, учитель!

Мальчишка встал, поклонился и направился к выходу. Он знал, что голодный учитель остановит его! Так и произошло:

– Погоди, Рока. Вернись, прошу тебя!

Учитель немного помолчал, разглаживая ладонью брюки на коленях. Потом поднял трясущуюся голову и слепо поглядел в лицо мальчишки.

– Значит, ты окончательно решился? Что ж... Скажи тогда мне, какое время для замедления воспламенения горючей смеси ты считаешь достаточным?

– Один час. А лучше – два...

– Мне нужно день или два, чтобы подумать, посмотреть кое-какую литературу. Приходи послезавтра, Рока! Ты ведь придешь?

– Обязательно приду! И принесу вам еще продуктов, учитель! Американцев, которые хотят японскую татуировку, много! Пусть они сами заплатят за свою будущую смерть!

Старый учитель Кобаяси, слегка обезумев от постоянного голода, согласился помочь упрямому мальчишке. И постепенно увлекся этим страшным делом. Через два дня он снова встретился с мальчишкой и сообщил, что именно ему нужно для изготовления взрывателей замедленного действия. Уже на следующий день Рока принес учителю полный карман латунных футлярчиков от сигар, которые американские летчики в изобилии курили. Принес он и круглые жестянки из-под леденцов, также найденных в мусорных корзинах летчиков. Эти жестянки были предназначены для оболочек будущих зажигательных бомб. Кобаяси остался доволен, и сообщил мальчишке, что для практических экспериментов ему потребуется еще несколько дней.

Когда они встретились в очередной раз, учитель с гордостью продемонстрировал мальчишке взрыватели.

– Внутри каждого цилиндрика два отделения, – объяснил учитель. – В верхнем у нас находится стеклянная ампула с кислотой. Чтобы запустить взрыватель, надо сильно сдавить цилиндрок. Кислота из сломанной ампулы начнет разъедать тонкое латунное дно, и через какое-то время попадет в нижнюю часть взрывателя. Кислота вступит в реакцию с веществом, которое там находится. Эта реакция сопровождается выделением большого количества тепла, отчего и загорится бенгальская смесь, которой ты набьешь жестянки из-под конфет. И запомни, Рока: взрыватели надо хранить отдельно от жестянок! Тыставишь взрыватель в заранее проделанное отверстие в банке перед самой закладкой бомбы, в последний момент!

– Я все понял, учитель. Спасибо. А сколько времени кислота будет разъедать дно цилиндрика?

– Я не знаю! – развел руками мужчина. – Толщина сигарных футлярчиков разная, они же предназначены совсем не для того, что мы с тобой делаем. Я экспериментировал целую неделю, и узнал, что время разъедания латуни кислотой колеблется от двух до пяти часов. Возможно, больше. Но не меньше! По крайней мере два часа у тебя есть всегда... А ты принес мне еще консервов?

Рока кивнул и торжествующе засмеялся: его война Америке была объявлена! Теперь осталось дожидаться удобного случая, чтобы начать военные действия!

Глава первая

01

Саппоро, Япония, 1993 год

Майкл Берг запарковал свой «Сузуки-Эскудо» на привычном месте, показал охраннику у ворот университетского городка бейдж-пропуск, висевший на одном кольце с автомобильными ключами, и не спеша направился по главной дороге Ботанического сада к корпусу Центра славянских исследований Университета Хоккайдо. По дороге он привычно раскланивался с обгоняющими его студентами и персоналом Университета, не уставая любоваться окружающим ландшафтом.

Университетский сад был в идеальном состоянии в любое время года, и поначалу Берг, поражаясь его чистоте и ненавязчивой ухоженности, часто задумывался: какая же армия садовников должна здесь работать? И когда? Однажды ему надоело гадать, и он прямо спросил об этом у менеджера по персоналу.

Менеджер если и удивился вопросу, то вида не подал. Лишь наклонил голову в знак почтительного внимания и выбил короткую дробь на клавиатуре своего компьютера.

– В саду постоянно работают четыре садовника и шестеро их помощников, господин Берг! У вас есть какие-то замечания по их работе, либо предложения по ее улучшению?

– О нет, что вы! Сад в идеальном состоянии, просто я думал, что работников гораздо больше... Извините, пожалуйста!

По-японски Майкл Берг говорил совершенно свободно, правда, на диалекте старой японской интеллигенции «яманотэ», характерном для тех, кто долго прожил за пределами страны. Однако никаких трудностей и непонимания в Саппоро, обитатели которого говорили на диалекте «хоккайдо-бэн», никогда не возникало. Европейская внешность Берга порождала порой в университетском городке забавные ситуации: принимая его за иностранного аспиранта, незнакомые студенты часто пытались заговорить с Бергом по-английски. И откровенно всякий раз поражались, слыша в ответ правильную японскую речь.

Берг поднялся на свой этаж и направился мимо застекленного параллелепипеда, колл-центра, к своему кабинету, предоставленному ему администрацией Университета, согласно его желанию, в самом конце длинного коридора «D». Однако одна из девушек-операторов приветливо помахала ему рукой с зажатой бумажкой, и Берг послушно свернул в ближайший проход в стеклянной стене.

– Здравствуйте, Майкл-сан! Как вы поживаете? – затараторила девушка, протягивая узкую полоску бумаги. – Извините, что отвлекла вас – вам сегодня дважды звонили, и просили по возможности быстро связаться с абонентом по этому номеру телефона. Спасибо!

Поклонившись в ответ, Берг продолжил свой путь, на ходу поглядывая на записанный телефонный номер. У него была хорошая память на цифры, но этот номер не вызвал у него никаких ассоциаций. Знакомых в Саппоро у Майкла было не слишком много, да и все они знали номер его мобильного. Кто же это мог быть?

В ближайшем автомате Берг, бросив монету, получил бумажный стаканчик кофе, и через минуту уже оказался за своим рабочим столом. Прежде чем позвонить, он привычно проверил свой электронный почтовый ящик, перебрал несколько конвертов, пришедших обычной почтой – ничего срочного. Не заглядывая в бумажку, он набрал телефонный номер и удивленно поднял брови: ему ответил секретарь неизвестного ему господина Ооти из префектуры Хоккайдо. Узнав имя абонента, секретарь тут же переключил Берга на своего шефа.

– Здравствуйте, господин Берг, мне необходимо переговорить с вами по весьма важному вопросу.

– Мы знакомы? – осторожно поинтересовался Берг.

– К сожалению, нет. Удобно ли вам будет встретиться со мной сегодня, в «красном» баре» отеля «Кеньё», скажем, в час дня? – поинтересовался незнакомец. – Это совсем недалеко от кампуса вашего университета, у Западных ворот Ботанического сада. Но если вы не можете...

– Могу, – кратко ответил Берг. – Однако на два тридцать у меня назначена консультация, и если наш разговор предполагается долгим...

– Я думаю, что основную часть нашего разговора к этому времени мы успеем завершить, господин Берг! В барах отеля в это время мало посетителей, и я не сомневаюсь, что мы узнаем друг друга! Благодарю, что вы согласились на встречу...

– Господин Берг? Вас ожидают в крайней кабинке! – Бармен-европеец только мотнул головой в нужную сторону и вернулся к вековому занятию всех барменов на всем свете – протирке и без того чистых стаканов и бокалов.

– Здравствуйте, господин Берг! – навстречу ему поднялся пожилой японец в строгом деловом костюме. Коротко поклонившись, он протянул гостю свою визитную карточку.

Бросив на квадратик картона взгляд, Берг едва удержался от того, чтобы не поднять в изумлении брови: на карточке было обозначено только имя – ни места службы, ни телефонов там указано не было. Ладно, поживем – узнаем... Берг протянул незнакомцу свою визитку и уселся, выжидательно глядя на него.

– Что я могу предложить вам, господин Берг? Кофе? Сок? Или что-нибудь покрепче?

– Кофе-эспрессо, если можно...

Незнакомец сделал жест бармену, и когда тот неторопливо приблизился, отдал ему короткое распоряжение.

– Я не имею отношения к префектуре Хоккайдо, и специально приехал из Токио, господин Берг... Прошу простить меня за эту неискренность. Дело в том, что я был хорошо знаком с вашим дедом, Ильей. И несколько хуже – с вашим отцом, Андреем Бергом.

– И дед, и отец умерли...

– Да, я знаю. Илья Берг – вскоре после окончания Второй мировой войны. Ваш отец – четырнадцать лет назад. Хорошие люди всегда уходят прежде плохих, господин Берг...

Майкл демонстративно глянул на часы. Загадочная анонимность человека, попросившего о встрече, начала его раздражать.

– Да, мой отец был хорошим человеком – во всяком случае, для меня и его друзей. Я помню большинство из них, господин... Ооти. Но вашего имени, к сожалению, я не припоминаю...

– Ничего удивительного, – коротко улыбнулся незнакомец. – Мое имя – не Ооти. По ряду причин не могу назвать вам пока ни своего настоящего имени, ни места службы. К сожалению. Однако вы не можете не знать характер работы своего деда и истинный род его занятий в Шанхае. Я в некотором роде его коллегой по ремеслу, господин Берг...

– Простите, господин «икс», но я не вижу никакого резона продолжать с вами этот странный разговор, – Берг начал подниматься. – Нет никакой тайны в том, что в молодости мой дед работал на японские спецслужбы за рубежом. Однако эта деятельность была прекращена еще в 1940 году, когда он вернулся в Японию. Он открыл консультационное бюро, выполнял частные поручения клиентов, занимался охраной их коммерческих интересов – и только! В годы Второй мировой войны, в связи с кризисом, работы для деда стало слишком мало, и он вовсе отошел от прежних дел. А что касается отца, то он и вовсе...

– Бывших разведчиков не бывает, господин Берг! – покачал головой незнакомец. – Илья Берг, как и ваш отец, имели японское гражданство, однако вернуться в Японию из прокоммунистического Китая в то сложное время для них было бы весьма проблематичным, если бы

дед окончательно порвал отношения с... моим учреждением. Многого вы просто не знаете в силу своего возраста, господин Берг! Ни один разведчик, уверяю вас, не рассказывает своим малышам вместо вечерних сказок историю своих приключений!

– Допустим. И тем не менее я не вижу никаких причин обсуждать с совершенно незнакомым мне человеком прошлые дела моих деда и отца! Надеюсь, вы отдадите себе отчет, что я-то не имею к этому совсем никакого отношения? Всего доброго!

Берг положил под блюдечко две тысячеиеновые купюры и повернулся к выходу. Однако не успел он сделать и двух шагов, как вслед донеслось:

– Ваш отец, насколько мне известно, вел дневниковые записи. Неужели там нет даже упоминания об истории с исчезновением коллекции фамильных мечей семьи императора? Ваш дед начал заниматься этой историей в 1946 году, господин Берг!

– Да, отец вел дневник, – Берг вернулся к столу, навис над незнакомцем. – Он много рассказывал об этом. Много в его дневниках было посвящено моему деду. Но я не могу ознакомиться с этими записями раньше, чем... Черт возьми, я мог бы это сделать два месяца назад – как я мог забыть?!

– Но тем не менее вы знаете эту историю? Не отрицайте, господин Берг!

– Да, кое-что слышал, – осторожно подтвердил Майкл, присаживаясь за стол. – Но, насколько я понимаю, эта история тогда кончилась ничем. Кроме того, дед принял данное поручение совершенно частным образом. К нему обратился тогда...

– Я знаю, кто к нему обратился, – перебил незнакомец. – Если вам интересно, именно я порекомендовал этому человеку обратиться к нему.

– И все же, я не совсем понимаю, почему эта история всплыла нынче, – покачал головой Берг. – И почему вы говорите об этом со мной... Я историк и писатель – но не сотрудник секретных служб! Если речь идет об изъятии дневников отца, то я расстанусь с ними только после соответствующего судебного решения, уважаемый господин! И хочу предупредить вас, что приложу все силы к тому, чтобы воспрепятствовать этому решению!

– Успокойтесь, господин Берг! Мы не собираемся затевать с вами судебные тяжбы...

– Тогда чего вы хотите от меня?

– Ничего особенного, – пожал плечами незнакомец. – Мы хотим, чтобы вы в память о своем дедушке и отце попытались закончить начатое ими дело! Разве это не логично?

Берг рассмеялся:

– Вы и ваше ведомство, как бы оно ни именовалось, просто сошли с ума! Прошло пятьдесят лет, и я не имею никаких навыков по вашей... специфике! В память о своем отце и дедушке я готов сделать многое – но не совершать подобных безумств! Всего доброго! И, прошу вас, не звоните мне больше!

– Хорошо. Хотя это и выходит за пределы данным мне полномочий, я скажу вам кое-что. В стародавние времена ваш дед знал меня под именем господина Осаму. Вам это имя о чем-нибудь говорит?

Осаму... Чувствуя себя совершенно по-дурацки, Берг снова сел. Он много раз слышал от отца это имя: отец отзывался об этом человеке неизменно уважительно. Он было для него символом негибаемого духа Японии и патриотизма. Он недоверчиво уставился на сидящего напротив человека: мог ли он быть тем самым Осаму? Или просто слышал о нем и решил воспользоваться этим именем для достижения своих целей?

– Простите, сколько вам лет?

– Семьдесят семь, господин Берг, – без запинки ответил незнакомец. – Значит, вам знакомо это имя?

– Да... Но откуда мне знать, что вы – тот самый Осаму?

– У вас остается мало времени до начала вашей консультации в два тридцать, – уклончиво заметил незнакомец. – Если вы не возражаете, я предложил бы вам прогуляться в Бота-

ническом саду, по дороге в ваш кампус. Обещаю вам: если до конца нашей прогулки вы не измените своего решения, то мы с вами расстанемся, и вас никто и никогда больше не побеспокоит, господин Берг! Как видите, я прошу не слишком много...

Рассчитавшись, мужчины покинули «Красный бар» отеля и не спеша двинулись по аллеям Ботанического сада.

– Тогда, в 1946 году, мне не было еще и тридцати лет, господин Берг! Меньше, чем вам сейчас. Это было время полного упадка духа нашей нации. Мы не только проиграли войну, но и подписали во всех отношениях позорную капитуляцию. Сейчас говорят, что Япония пошла на эту капитуляцию под впечатлением атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки – вы, как историк, тоже так полагаете?

– Но... Но это же очевидно! Бомбардировка и последующая капитуляция были связаны...

– Ничего подобного! – поднял руку японец. – Ничего подобного: ни мы, японцы, ни весь остальной мир в подавляющем своем большинстве просто не имели тогда представления об истинных последствиях применения атомного оружия! О радиации и лучевой болезни тогда знали только ученые. Для простых японцев это была просто очередная бомбардировка. Правда, бомбы были гораздо мощнее прежних, но о радиации просто никто не знал! Я хорошо помню последующее обращение по радио к народу главы правительства – он призывал теснее сплотить ряды и не поддаваться панике. Народ был готов продолжать сопротивление, но...

Старик замолчал, без усилий нагнулся, подобрал с дорожки несколько желто-багряных листьев, поднес их к лицу, вдыхая чуть прелый запах осеннего увядания.

– Впрочем, я не об этом. Как бы там ни было, капитуляция была подписана, и американцы ступили на нашу землю. Они всегда были бесцеремонными, эти американцы, господин Берг! Знаете ли вы, что флагманский линкор USS Missouri под бортовым номером BB-63 вошел в японские воды под флагом адмирала Перри? Под тем самым, который остался в черной памяти японцев еще с XIX века? И это тоже было злорадным напоминанием американцев! Им мало было оккупировать страну – они напомнили нам о старом позоре... Они объявили в Японии о тотальном разоружении населения, предписав всему населению сдать не только огнестрельное оружие и боеприпасы, но и символ духа японского народа – мечи! В том числе и фамильные, никогда доселе не покидавшие почетных уголков в домах японцев.

В голосе старика звучали надрывные нотки, и Берг со вздохом подумал, что нынешний день для него напрочь испорчен. Вместо того чтобы спокойно заниматься привычной и приятной работой, он вынужден выслушивать истерические откровения выжившего из ума «ястреба», не смирившегося с поражением страны полвека назад... Словно подслушав его мысли, старик замолчал, бросил на собеседника короткий взгляд, печально улыбнулся:

– Американцы не без оснований боялись нас, господин Берг! Несмотря на категорическое требование сложить оружие и прекратить подрывные действия, осенью 1945 года и даже зимой в Японии еще оставались тайные очаги сопротивления. Мой старший брат, например, в то время работал в одном из центров радиоперехвата и дешифровки. У нас были коды для дешифровки многих каналов связи оккупантов.

– Человек не должен жить только прошлым, господин Осаму, – мягко, чтобы не раздражать собеседника, возразил Берг. – Мы не можем повернуть колесо истории вспять и изменить прошлое...

– Я не сумасшедший и прекрасно понимаю это! Прошлое не изменить, но сегодня мы можем исправить многие ошибки, совершенные в прошлом, – возразил старик. – Так вот, относительно боевых мечей. Японцы – законопослушная нация. Им было приказано разоружаться, и у пунктов приема оружия в Токио и других городов выстраивались очереди. Среди холодного оружия было много старинного. И американцы, поняв это, начали сортировать сдаваемые мечи, отбирая для будущих аукционов наиболее ценные. Но самые ценные мечи были в кол-

лекции семьи императора, господин Берг. Там хранились ритуальные катаны наших предков, фамильное оружие прежних сёгунов... Я не хочу говорить о том, кто и почему внушил семье императора мысль о необходимости сдать оккупантам эту коллекцию. Или вынудил императора передать раритеты оккупационным властям. Говорили разное – что император хочет разделить с народом позор и унижение нации. Что в противном случае кое-кто из семьи может оказаться на скамье подсудимых в готовящемся международном трибунале над военными преступниками... Этой коллекции было место в национальном музее, в мемориале. Так, кстати, считал и ваш дед! Но Вашингтон настаивал, давил на генерала Макартура. Переговоры о передаче коллекции шли всю осень, и наконец была названа дата передачи коллекции. Это был январь 1946 года.

– Да, я знаю, господин Осаму...

– Многие влиятельные люди пытались убедить семью императора не совершать этой страшной ошибки. Но это случилось. Японский народ был возмущен, люди требовали вернуть коллекцию. К этим требованиям присоединилась и международная общественность, но американцы оказались предусмотрительными, господин Берг! Церемония передачи коллекции не была официальной, от имени оккупационного корпуса ее принял всего-навсего какой-то сержант.

– Сержант Колди Баймор... Я знаю историю своей страны, господин Осаму...

– Но вы наверняка не знаете, что в тот день ваш дед был на борту линкора «Миссури», в форме полковника австралийских вооруженных сил, господин Берг! Мы должны были непременно узнать – как именно американцы планируют вывезти коллекцию из страны! Илья Берг сумел проследить путь коллекции до аэродрома Ацуги, где готовился к вылету самолет-амфибия, чтобы передать наше национальное достояние на борт ранее вышедшего в Америку крейсера «Канзас». Мы не могли ни перехватить этот самолет, ни воспрепятствовать его вылету. Мы хотели знать лишь точное место хранения сокровища, чтобы позже заявить о своих правах на него и через международную общественность потребовать ее возврата. Самолет вылетел, но до «Канзаса» так и не добрался, господин Берг!

– Помнится, одно время ходили слухи, что исчезновение самолета было частью маскировочного плана американского командования. Ведь исчез же куда-то сержант Колди Баймор!

– Не думаю, чтобы и исчезновение того сержанта было случайным. Однако относительно пропавшего самолета американцы вряд ли хитрили. Наша страна проиграла ту войну, но в Америке у нас оставалось много «законсервированных» разведчиков-патриотов. Многие из них были сориентированы на поиск следов коллекции. Мечи никогда и нигде больше в мире так и «не засветились»! Прошло уже пятьдесят лет, а о них ни слуху ни духу.

– Значит, самолет с коллекцией действительно был сбит либо потерпел аварию. И коллекция навсегда утеряна, господин Осаму.

– А вот тут-то мы и подошли вплотную к сути нашей просьбы, господин Берг! Мы никогда не списывали этого дела в архив. И вот недавно сразу в двух точках планеты была отмечена активность по делу о пропавшей коллекции мечей. Если следовать принципу хронологии, то первый сигнал поступил из США. Второй «звонок» прозвенел здесь, в Японии, совсем недавно... Но вам уже пора, господин Берг! – спохватился старик, посмотрев на часы. – До начала вашей консультации осталось меньше десяти минут!

Но Берг уже набирал номер на своем мобильном телефоне. Извинившись, он попросил перенести консультацию на час позже. Закончив разговор, он поймал торжествующий взгляд старика и усмехнулся:

– Вы сумели меня заинтриговать, господин Осаму! Впрочем, это не означает, что я дал согласие на участие в вашей аванюре. Просто хочу дослушать вашу историю до конца. Итак?

– Весной 1946 года семьи пилотов исчезнувшего самолета-амфибии получили стандартные уведомления о том, что летчики пропали без вести при выполнении боевого задания.

Обычное, казалось бы, дело! Но через двадцать лет после окончания войны некий канадский моряк переслал родителям лейтенанта Лефтера – это был командир той самой амфибии – его личный медальон. В сопроводительном письме было сказано, что медальон канадскому моряку передал его русский коллега-рыбак с острова Сахалин. Каким образом медальон американского летчика попал к этому рыбаку – выяснить не удалось. Письмо канадца в семейных архивах также не обнаружено. Мы узнали об этой таинственной истории гораздо позже, когда искали следы летчиков в военных архивах США. И обнаружили там вторичный запрос несчастных родителей относительно судьбы сына, с упоминанием медальона. Родители пилота к тому времени уже умерли, но наши люди сумели разыскать наследников и... убедить их, скажем так, расстаться с семейной реликвией. В настоящее время медальон у нас.

– А что побудило вас через много лет после войны обратиться в американские архивы? – полюбопытствовал Берг.

– Видите ли, исчезнувший сержант Баймор и пропавшие без вести пилоты были и остаются нашими единственными ниточками, ведущими к коллекции императора. Пусть даже обрванными, но кто знает! Мы, японцы, очень терпеливы и умеем ждать, господин Берг! Все американцы, имеющих мало-мальское отношение к пропавшему самолету и самой коллекции, все эти годы были под негласным присмотром. И мы дождались! Недавно семьи наследников пилотов посетили люди из Европы – они тоже интересовались старыми бумагами. Нашим людям удалось узнать, что их послал некий господин Ризенталь из Швейцарии. Вам не знакомо это имя?

– Нет. А должно быть знакомо?

– Дело в том, что Ризенталь – владелец самой обширной в мире коллекции холодного оружия, господин Берг. Это очень богатый и крайне беспринципный человек.

– Но он мог просто «отрабатывать» следы коллекции японского императора – на всякий случай, как говорится! Вы ведь тоже «присматривали» за семьями наследников исчезнувших американцев!

– Посланцы Ризенталья появились и у нас, в Японии, – вздохнул старик. – Они связались с несколькими частными детективными агентствами и поручили собрать всю возможную информацию о пропавшем самолете-амфибии. А сумма обещанного вознаграждения за достоверную информацию с результативными последствиями говорит об уверенности Ризенталья в том, что коллекция не сгинула в безвестности, господин Берг!

– Так чего вы хотите от меня, господин Осаму?

– Мы уверены в том, что злополучный самолет в январе 1946 года не упал в море, а совершил вынужденную посадку либо на Сахалине, либо в его акватории. Возможно, он был сбит русскими зенитками. А сами летчики, или их тела попали в лапы советской военной контрразведки. Иначе как объяснить факт того, что медальон уцелел?

– И все же я не очень понимаю, господин Осаму, зачем я вам нужен? – медленно, словно нащупывая тропинку на болоте, заговорил Берг. – Если вы являетесь представителем официальных японских структур, кто мешает им обратиться к русским властям с официальным запросом относительно самолета-амфибии? Согласен: наши отношения с Россией желают лучшего, но не думаю, чтобы они не сообщили вам данные об амфибии, если они у них есть. В конце концов, речь ведь идет не о японцах, а об американцах, похитивших наше национальное достояние!

– В том-то и дело, что похищения как такового не было, господин Берг! Национальное достояние было передано американцам добровольно! Я не исключаю и версии, что русские спецслужбы могли вырвать у пилотов сведения о коллекции, найти ее и помалкивать. Нет, господин Берг! Этот вопрос надо будет уточнить только в частном, чрезвычайно приватном порядке!

– Значит, вы предлагаете мне поехать в Россию?

– Да. И попытаться достойно завершить дело, начатое вашим дедом. Все расходы, разумеется, мы берем на себя. Вне зависимости от результатов поездки вам будет выплачена справедливая компенсация за потерянное время и беспокойство.

– Я подумаю, господин Осаму...

02

Южно-Сахалинск, 1993 год

Директор областного архива Штырь раздраженно отодвинул от себя «Заявку исследователя» и воззрился на сотрудницу читального зала архива Голикову:

– Татьяна, ты у нас сколько работаешь?

– Пятый год, Петр Александрович. Будто не знаете... А чего я не так опять сделала? Я что – спрятаться от этого иностранца под стол должна была? Он мне письмо из МИДа показал – его работа в нашем архиве с вами предварительно согласована! Полгода назад! Он два дня уже как приехал... Или он мне фальшивку подсовывает?

– Тише, Таня! Дверь-то поплотнее прикрой, не ори! Ну, согласовывал – так что теперь? Мне по десять таких заявок на работу в архиве каждый месяц присылают – а потом не приезжают люди. У кого обстоятельства изменились, кому визу не дали, кто передумал – да мало ли! О таких посетителях мне обычно звонят предварительно... Понимаешь – откуда звонят?

Заведующая читальным залом недоверчиво улыбнулась:

– Разыгрываете, Петр Александрович? Нет, правда – не разыгрываете? Сейчас же другие времена, и КГБ – уже не КГБ, а ФСБ. Торжество демократии и конец шпиономании...

– Доторжествовались уже, – директор брякнул по столу тонкими очками, поиграл желваками. – Мы с тобой, Татьяна, работаем не абы где, а в хранилищах истории! А у этой истории, если ты до сих пор не знала, есть разные странички! Что-то можем открыто показать, а что-то лучше не видеть. Во всяком случае, не всем! Вот к тебе гости приходят – ты что, комод свой перед ними нараспашку держишь? Ящики с бельишком там, тряпки всякие... Нет, платье от «Балленсиаги» можно, конечно, и на спинке стула оставить, особенно если там этикетка с лейблом не оторвана еще. Ну, а халатишко домашний, от старости жеваный, с разными пуговицами – тоже оставишь?!

– У меня таких нет! – вспыхнула Голикова. – Чтобы с разными пуговицами! И «Балленсиаги», кстати, тоже нет – на нашу зарплату только на пуговицу от такого и хватит! И что за сравнение вообще, Петр Александрович! Идите тогда сами к этому иностранцу и отказывайте, если так! Я что – на учет должна была при его появлении закрыться срочно?

– Не груби, не груби... Ладно, иди в читалку, чай ему предложи, кофе... Есть кофе? Ну, в приемной, у Ирины возьми. А я подойду через пять минут и все порешаю... Если, конечно, куратор наш с улицы Сахалинской на месте... Иди, иди, Татьяна! Да! Стой! Он по-русски-то хоть шпрехает?

– Да получше прибалтов наших говорит, Петр Александрович! Помните, на научно-практическую конференцию к нам прибалты приезжали? А этот культурно так выражается, только как-то старорежимно... Симпатичный мужичок, если что...

– Иди, иди, крути задом! – выпроводив Татьяну Голикову, Штырь набрал на память номер и разулыбался: куратор оказался на месте. – Володя? Приветствую, Штырь... Володь, я сразу к делу – чего это твои международники мышей ловить перестали? Два дня назад исследователь из Японии приехал, у нас в архиве поработать хочет – а барышни твои молчат! Вот заявка уже передо мной... Майкл Берг, Токио, Япония. Университет Саппоро, Центр славянских исследований... Его интересуют первые послевоенные годы... Да ничего там особенного нет, безвластие... Военная администрация освободителей со скрипом менялась на гражданское управление... Документов мало. Ну, понял, Володя... Давай, до связи! На рыбалку-то ездешь? Ну, и мне недосуг. До связи!

Директор поднялся из-за стола, направился в читальный зал. Проходя через приемную, распорядился:

– Ира, нормальный кофе сделай, пожалуйста! Я сейчас японского исследователя приведу...

– Да у меня Татьяна уже забрала кофе для него, Петр Александрович...

– Я говорю – *нормальный* кофе! *Из сейфа!* Не для местных интеллигентов который! Печенье не все сгрызла? В общем, давай!

Поправляя на ходу галстук, директор с легкой приветливой улыбкой проплыл сквозь распахнутые двери читального зала архива и безошибочно устремился к иностранцу – благо тот был в зале один.

– Господин Берг? Здравствуйте! Позвольте рекомендоваться: здешний директор, Петр Александрович Штырь!

Посетитель с готовностью поднялся из-за стола, протянул правую руку, одновременно доставая левой из верхнего кармашка пиджака визитную карточку цвета выдержанной слоновой кости.

– Очень приятно! Майкл Берг, университет Хоккайдо в Саппоро, – глуховатым баском отрекомендовался он. И улыбнулся, словно извиняясь. – Вообще-то у меня русские корни, и по-настоящему меня звать Михаилом. Так что – Михаил Андреевич Берг...

– Очень приятно! – внутренне поморщившись и помянув недобрым словом областную администрацию, навязавшую всем руководителям исполнительных органов власти примерный образец визитки – крикливый и безвкусный, – Штырь вручил гостю свою карточку. – Приятно и удивительно, господин Берг! Нечасто, признаюсь, встретишь японца с русскими корнями, именем, да еще и отчеством!

Тот развел руками: ну что тут поделаешь, коли попал в разряд редких «экземпляров»!

– Михаил Андреевич, пока тут девушки подбирают для вас документы, прошу ко мне! Это совсем рядом, через вестибюль! Ваше место в читалке никто не займет, уверяю!

– Да мне тут уже и кофе обещали, – пожал плечами Берг. – И вообще: чего я большое начальство от важных дел отвлекать стану...

– Кофе мы у меня выпьем! – Штырь легко подхватил посетителя под локоть и повел за собой. – Татьяна нас простит: – Да, Танечка? Ну, вот и славно!

Усадив гостя в кресло, директор сел напротив и немного помолчал, ненавязчиво разглядывая иностранного гостя. Не считая элегантного, по фигуре серого костюма и рубашки в тон светлее, в еле заметную белую клетку, да галстука с необычной для отечественного менталитета булавкой – самая что ни на есть «рязанская» внешность. Крупное лицо с грубоватыми чертами, щегольская борода-шкиперка, большие кисти рук с ухоженными ногтями. Серые глаза смотрят приветливо, без внутреннего напряжения.

– Ну, рассказывайте, Михаил Андреевич, зачем пожаловали? – Штырь поднял руку, предупреждая возражение посетителя. – Нет, заявку я вашу видел, подписал, не в ней дело! Сахалин 1946–47 годов. Переходный период от управления военного к гражданскому. Документов того периода мало, к сожалению – да вы наши описи глядели, наверное? Вы конкретно мне можете пояснить – что именно вы ищете? Не секрет, надеюсь? Я помогу. Сориентирую, так сказать – это же мой хлеб!

– Ну, коли так... Секрета нет, конечно – я ищу следы двух летчиков-американцев, которые, по моим сведениям, зимой 1946 года совершили на Сахалине вынужденную посадку и после этого пропали...

– Зимой 46-го? – директор откинулся на спинку кресла, пожевал дужку очков. – Думаю, что запрашиваемые вами документы тут не помогут!

– Отчего же, Петр Александрович? – вежливо удивился Берг. – Я не думаю, что американцы совершали в то время вынужденные посадки каждый день! Все-таки это, скорее всего, было неординарным событием! И уж конечно, поводом для пропаганды в очередной раз поднять вопрос об американских шпионах!

– Ну-у, что касается неординарности данного события – тут я с вами могу поспорить, уважаемый Майкл Андреевич! На Сахалине на сегодняшний день – в разные времена, разумеется, – обнаружены обломки по меньшей мере сорока американских самолетов, разбившихся здесь в период военного и послевоенного времени. На севере острова, в районе поселка Смирных, функционировал военный «аэродром подскока» – запасная площадка для перегоняемых по ленд-лизу с Аляски «аэрокобр». Падали, падали, Майкл Андреевич!

– Но это должно было где-то фиксироваться!

– Должно было, – вздохнул Штырь. – Но здесь не все так просто, уважаемый!

Берг катал между ладонями чашку с дымящимся кофе и деликатно ждал продолжения. А директор областного архива Штырь не знал, что сказать этому странному иностранцу-исследователю.

Гражданин Японии, причем совершенно европейского обличья, и с русскими, как он сам признался, корнями, ищет в сахалинском архиве следы американских летчиков... Совершенно фантастическая мешанина! Университет Саппоро, Центр славянских исследований – и пилоты-янки, невесть как очутившиеся на Сахалине... Странно, чтобы не сказать – сомнительно!

Кандидат исторических наук Штырь успешно сочетал службу в архиве с преподавательской деятельностью в здешнем вузе. Два года назад он получил приглашение университета Хоккайдо в Саппоро и прочел там, в ЦСЛ, для студентов и тамошних исследователей-русистов цикл лекций по новейшей истории России. Пробыв на Хоккайдо два месяца, он успел перезнакомиться со всем преподавательским персоналом Центра и большинством исследователей. И уж конечно, наверняка запомнил бы этого Берга. Но два года назад его там не было!

Может, Майкл Берг и вовсе не японский гражданин?

Чушь, охолодил себя Петр Александрович! Чушь и дурацкая шпиономания, дремлющая в каждом русском, успевшем родиться во время сталинского режима. Вряд ли американец, разыскивающий своих соотечественников, стал бы рядиться в ученую мантию японского университета. Сказал бы прямо: ищу соотечественников! И достиг бы гораздо большего, нежели сим способом.

– Да, Майкл Андреевич, немало в здешней тайге – как, впрочем, и по всей Сибири-матушке – вещественных свидетельств ленд-лиза, – неопределенно протянул Штырь, раздумывая над тем, не предложить ли гостю рюмку коньяку. – И сбитые самолеты-разведчики вчерашних союзников – чего уж там! – попадают. Зачем вам, японскому ученому-историку, эти летчики, Майкл Андреевич? Не дайте от любопытства помереть, а?

– О-о, это слишком долгая история, господин директор! Долгая и, по чести говоря, не соотносящаяся с моим основным родом деятельности. Я не совсем ученый, уважаемый Петр Александрович! Правильнее было бы назвать меня писателем и популяризатором истории. Современный человек живет слишком стремительно, старается не отстать, и поэтому смотрит только вперед, не оглядываясь на прошлое. И в этом, полагаю, самая большая ошибка человечества: не зная своего прошлого, невозможно и извлечь уроков из своих и чужих ошибок. Как вы сами полагаете, Петр Александрович?

– Подпишусь под каждым вашим словом, – согласился Штырь, отметив про себя, что Берг очень ловко ушел от объяснения причин своего интереса к летчикам. – Может, я могу предложить вам рюмку коньяка, Майкл Андреевич? Или в кофе капнуть, для аромата?

– Я не ханжа, и с удовольствием выпью с коллегой. Но попозже, если вы не возражаете. Сначала я хотел бы закончить свою работу, господин директор. Насколько я понял, в документах послевоенного гражданского управления на Сахалине разыскать какие-то следы фигурантов моего исследования проблематично?

– Боюсь, что да. Зима 1946, вы говорили? Очень неудачное время для историка, Майкл Андреевич! Да вы и сами сейчас убедитесь, когда документы принесут. Вот представьте себе:

август 1945 года, закончилась операция по освобождению юга Сахалина от японских захватчиков. Огненный вал, прошедший от 50-й параллели до мыса Крильон на юге острова, нарушил всю жизнь островитян. За двадцать лет с начала оккупации юга японцы успели основательно обжиться на Сахалине. Создали здесь промышленный потенциал, основали и заселили множество городов и поселков. Войска прошли на юг – а население, преимущественно японское, осталось! Ну, в крупных населенных пунктах военные оставили гарнизоны – но это была чисто военная власть! А что прикажете делать мирному населению? Чтобы жить, им надо было трудиться – на фабриках, в сельхозартелях, рыболовецких бригадах. Для нормального функционирования необходимы, как вы понимаете, какие-то управленческие структуры – а их с собой военные не привезли! Вот и получилось, что в деревнях и городках остались японские старосты, руководители фабрик, бригады, инженеры. Советский север острова не располагал запасом управленческих кадров для всего Сахалина. Их пришлось везти с материка, спешно переучивать из вчерашних лейтенантов и майоров. И только в следующем году управленческие вакансии восстановленной на Сахалине советской власти стали потихоньку заполняться. Но как! Без навыков делопроизводства, помимо всего прочего!

Берг внимательно слушал, меланхолично кивал, однако пометок никаких не делал – то ли надеялся на память, то ли все, что говорилось, было ему давно и хорошо знакомо.

– Поначалу Сахалин территориально стал структурным подразделением Хабаровской области, – продолжал свой экскурс в историю Штырь. – Административным центром стала вчерашняя Тоёхара, переименованная в Южно-Сахалинск. Там был и островной орган исполнительной власти. И представьте себе такой парадокс, Майкл Андреевич: этот орган очень долго получал и статистическую отчетность, и сводки по промышленному и сельскохозяйственному производству на японском языке! А вот вам другой парадокс: долгое время на бывшей оккупированной территории были дублированные должности малого и среднего руководящего звена. В рыболовецкой бригаде два бригадира – японец и русский назначенец. На цемзаводе – тоже два директора. Даже стрелочники на железной дороге смешанными русско-японскими парами работали... Еще кофе, Майкл Андреевич?

– Спасибо, не откажусь. Так вы полагаете...

– Да, относительно наших летчиков... Не хочу хвастаться, что знаком с каждым документом моего архива, но общее представление о фондах хранения я все-таки имею. И мне никогда не попадались никаких упоминаний ни об американских, ни о японских военнопленных. Смотрите сами! – пожал плечами Штырь. – Мне кажется, что даром только время потратите.

– А если покопаться в старых газетах?

– Потеряете время, господин Берг! – категорически помотал головой директор. – Материалы советской прессы той поры, в отличие от вашей свободной, тщательно фильтровались. И разделов типа «Что случилось вчера» там просто не было! Материалы съездов, пленумов ЦК, официоз... А события на местах – максимум рекордные надои молока или уловы рыбы. Впрочем, я могу дать команду – вам принесут газеты. Кстати, а где была эта вынужденная посадка?

– Точного места я, разумеется, не знаю. Но, исходя из маршрута полета «груммана», таким местом мог быть юг или юго-восток острова...

– То есть недавно освобожденная территория где-то, скажем, от Южно-Сахалинска до Поронайска, – директор кивнул и показал территорию на крупной карте Сахалина. – И снова вынужден вас огорчить, Майкл Андреевич! Единственная газета, издававшаяся на острове в 1946 году, печаталась гораздо севернее, в Александровске. Вот здесь. Никаких соборов на территории южнее 50-й параллели у нее не было. Правда, в Поронайске издавалось что-то вроде фронтовой многотиражки на японском языке, для местного населения. Но, как вы понимаете, вряд ли там печаталось что-то, кроме страшных приказов военных властей и требований лояльности. Чистая потеря времени!

– Ну, раз уж я сюда приехал! – развел руками Берг. – Кстати, Петр Александрович, а как насчет партийных архивов? Мы ведь с вами историки, и знаем, что очень долгое время в Советском Союзе единственной реальной силой и властью была партия. Вполне возможно, что упоминание об американских летчиках сохранилось в отчетах партийных функционеров... Могу я познакомиться с этой категорией документов?

Штырь поджал губы: исследователь-то оказался не так прост! И точно знает, где можно найти интересующий его материал! Что же делать? Не говорить же Бергу, что писанные и неписанные нормы архивной жизни в России предполагают в таких случаях обязательную консультацию с куратором... С тем самым, которого официально вроде как и нет вовсе. Директор вздохнул: опять придется выкручиваться!

– Видите ли, Майкл Андреевич, относительно свободного доступа к партийным документам... Существует ряд определенных нормативных ограничений. Да, тоже парадокс своего рода, согласен: КПСС нет, а кое-какие табу в стране остались. Поверьте, даже далеко не все сотрудники моей архивной службы имеют допуск для работы с фондами бывшего партийного архива! А насчет допуска иностранного исследователя мне придется делать официальный запрос начальству в Росархив, в Москву. А это, как вы понимаете, дело далеко не быстрое! Никаких ваших командировочных не хватит сидеть здесь и ждать такого разрешения! – попробовал шуткой сгладить неудобный момент директор.

– Что ж... Бюрократия и в Африке таковой останется, – улыбнулся Берг. – Осторожных людей и в России, и в Японии хватает. Ладно, будем довольствоваться тем, что есть!

– А вот совет вам рискну дать, уважаемый Майкл Андреевич! И летчиков ваших разыскать по мере сил и возможностей помогу. У вас есть их данные? Имена, воинская принадлежность, какие-то даты?

– Разумеется! – Берг с готовностью достал из пиджака бумажник, вынул из него лист бумаги и положил перед директором. – Самолет-амфибия «грумман». Вылетел с аэродрома Ацуги, Япония, 16 января 1946 года, около полудня по токийскому времени в направлении Средних Курил. Пилоты Арчибальд Лефтер и Винсент Райан, оба лейтенанты ВВС США. Есть также предположения о том, что, обходя фронт снежной бури, их самолет мог попасть в советское воздушное пространство вблизи Сахалина. До места назначения самолет не долетел, пилоты числятся пропавшими без вести...

– Слабовато, – покачал головой Штырь. – Но попробовать можно.

– Простите, вы сами хотите покопаться в партийных архивах, Петр Александрович?

– Нет. Я считаю это малопродуктивным. Партийные ячейки в войсках были, но вряд ли СМЕРШ, как вы можете догадаться, рапортовал о каждом пойманном шпионе или диверсанте вышестоящую партийную организацию. Если исходить из того, что ваши летчики совершили на Сахалине вынужденную посадку, оставшись при этом в живых, то они попали в руки наших военных. Подразделения военной контрразведки в 1946 году на острове были, однако их архивы увезены, и к нам в архив не могли попасть. Я предполагаю поискать американцев среди контингента военнопленных. Был на Сахалине в свое время лагерь для военнопленных – в основном японцев. И был в том лагере, насколько я знаю, отдельный блок для американских военнослужащих, заподозренных в шпионаже. В том числе и летчики, полагаю, там были. Напишите на мое имя официальный запрос, а я, в свою очередь, переправлю его по принадлежности.

– Спасибо, Петр Александрович!

– Пока не за что, – хмыкнул директор. – Одно вам скажу: если ваши пилоты попали к особистам, мы их найдем! У них никто не терялся! Но если вы хотите знать мое мнение, то ваша гипотеза о вынужденной посадке слишком притянута к Сахалину, Майкл Андреевич!

Берг промолчал: он совсем не хотел выкладывать свои «козыри» первому встретившемуся русскому чиновнику. Пусть даже и коллеге.

Вернувшись в гостиницу, Берг без особого удивления обнаружил в прохладном вестибюле под развесистой пальмой в кадке знакомое лицо – это был представитель местного отделения Интуриста, деликатно опекавшего всех туристов-одиночек. Истинная ведомственная принадлежность этого «представителя» у Берга сомнений не вызвала: о пригляде со стороны русских спецслужб его заранее предупреждали. И Майкл был доволен хотя бы тем, что «представитель» никоим образом не навязывал свое общество, не ходил следом и вообще держался подчеркнуто дистанционно.

– Как ваша работа в архивах? – поинтересовался он.

Берг пожал плечами: трудно ожидать успеха или каких-либо открытий в первый же день поиска. К тому же информация, полученная от директора областного архива, ставила крест на всей изначальной задумке. Вечером они с директором договорились поужинать в ресторане при гостинице, однако Берг сомневался, что узнает на этой встрече что-то для себя полезное. А вот «опекун из Интуриста» можно было использовать. Дождавшись традиционного вопроса о пожеланиях зарубежного гостя, Берг высказал пожелание:

– Не мог бы я заказать в Интуристе автомобиль с водителем? Ваши путеводители утверждают, что на Сахалине есть чудесные и даже уникальные природные уголки...

– Без проблем! – весело согласился «опекун». – Есть какие-то конкретные пожелания?

Пожелания у Берга были, однако озвучивать он их не хотел. Он не был разведчиком, однако читал много популярной и специальной литературы и знал, что наименьшее подозрение вызовет вариант, который предложит сам партнер по переговорам. Сегодня вечером он заведет разговор на эту тему со Штырем и постарается сделать так, чтобы нужное ему место назвал сам директор архива. Тогда соглядатаи будут меньше нервничать.

– Какая же может быть конкретика у человека, впервые попавшего на ваш остров? – вслух сказал он. – Наверное, морское побережье... Нетронутые человеком уголки... Впрочем, сегодня я еще встречаюсь с господином Штырем, директором местного архива. Посоветуюсь с ним – может, подскажет что-то...

– Ну и чудесно! – резюмировал «опекун». – Мне пока важно одно: какая машина вам нужна, господин Берг. Раз природа – значит, нужен джип, с полным приводом. Такая машина стоит немного дороже обычного седана, но вас, вероятно, это не остановит?

Берга, разумеется, такой пустяк не остановил. Договорившись с «опекуном» о времени, собеседники расстались.

03

Сахалин, 1993 год

«Ниссан-Патрол» с табличкой «Интурист» подъехал к гостинице в назначенное время. Берг был еще на подходе к машине, а водитель, пожилой крепкий мужчина, проворно выскользнул со своего места, открыл заднюю дверь, сдержанно, без подобострастности поздоровался. Вернувшись на свое место, поинтересовался: куда едем?

Берг маршрут знал наизусть, но играть надо было по правилам. Он вынул из бумажника клочок бумаги, на котором они со Штырем в ресторане намечали сегодняшний маршрут.

– В нашей программе Охотск и побережье возле него, потом... Потом Таранай и Острововка. Рекомендовали также дорогу через перевал на Невельск – там, кажется, уже Татарский пролив... Справимся за день? Вас как, кстати, зовут?

– Сергеем Сергеичем в самый раз будет. А успеем везде или нет – от вас тоже зависит. Сколько будете природой любоваться. Мне-то по барабану, наряд до двадцати одного часа.

– Ну и поехали тогда, Сергей Сергеевич. Места я вам назвал, а очередность – по вашему выбору.

– Хозяин – барин, – неопределенно заключил водитель, трогая джип с места. – Только на фиг вам Таранай сдался, господин хороший? Асфальт туда, конечно, хороший, а пейзажи – так себе. Часа три только на дорогу уьем.

– Вы человек местный, вам виднее. Давайте тогда этот пункт напоследок оставим. Успеем – хорошо. Не успеем – жалеть не будем. И вот еще, Сергей Сергеевич: эту табличку интуристовскую давайте снимем, из скромности. О'кей?

– Хозяин – барин, – повторил водитель, пряча табличку за козырек. – Останавливаться будем в «оплотах цивилизации», или у вас все с собой?

– В «оплотах цивилизации»? – Берг нахмурился. – Вы о чем?

– Водка, коньяк, шнапс, – ухмыльнулся водитель. – Дело ваше, господин хороший. Только чем дальше от города, тем больше шансов на паленую выпивку налететь. Имейте в виду! Россия!

– А-а, вы об этом, – рассмеялся Берг. – Энзэ у меня действительно с собой, но пополнять его я не планировал!

– Хозяин – барин... – И водитель замолчал до самого Охотска.

Берга это устраивало. Поглядывая по сторонам, он вспоминал вчерашний вечер в ресторане, неназойливые расспросы Петра Штыря, его пространные рассказы о своей архивной службе, о забавных ответах студентов на семинарах и экзаменах. Берг еще вчера пришел к выводу, что большая часть предостережений бывалых людей, побывавших в России, во многом навеяны старыми мифами времен холодной войны. Россия стала другая, отличная от той прежней России, о которой рассказывал ему отец.

Хотя... Хотя, может, его убеждение базируется на ностальгическом представлении о родине предков? Вряд ли он сам в обозримом будущем вернется в эту страну насовсем – слишком она была чужой и холодной. Но думать плохо о Родине просто нельзя! Этой сентенцией отец часто завершал свои воспоминания. Эта же мысль Майклу Бергу попадалась и в дневниковых записях его деда и прадеда. Отец сумел сберечь эти дневники в сумасшедшее лихолетье довоенных лет. И оставил сыну вместе с дедовскими и прадедовскими свои записки.

Его дневники не были опечатаны и не хранились у педантичных адвокатов или в надежных банковских хранилищах – но у Майкла и мысли никогда не было достать эти три тетрадки из домашнего сейфа и прочесть. До нового столетия оставалось, в конце концов, совсем немного – можно и потерпеть!

Директора Сахалинского областного архива интересовали его русские корни – логично и объяснимо, он же историк! Да и Майклу скрывать было нечего. Скорее уж наоборот: он гордился тем, что, в отличие от многих прочих современников, знает биографию своих предков хотя бы до третьего колена.

Его прадед, носивший имя Михаила, служил по военной части, в Саперном лейб-гвардии батальоне, подшефном брату царя Александра II. В 17 лет отправился добровольцем в Туркестанские походы генерала Кауфмана, заработал свои награды – первые и, как потом оказалось, последние. Ордена Св. Анны и Св. Станислава. Впереди была вторая Турецкая кампания – однако Михаил Берг волею судьбы на нее не попал. Случайная встреча в Париже с посланником Энмото, направлявшимся в Россию, положила начало странной для многих дружбы японского вице-адмирала и прапорщика-сапера, делопроизводителя батальона. Ради этой дружбы, чувствуя нависшую над другом опасность, его дед ринулся вслед за врагом Энмото в Европу, проследил за ним, разгадал замыслы и... едва не погиб, вызвав явно превосходящего его соперника на смертельный поединок.

Прадед, начавший писать дневник во время излечения, в замке монахов-паулинов где-то в южной Польше, подробно описал этот поединок, состоявшийся на крыше вагона мчащегося поезда. Вернее, не ход самого поединка, а свои ощущения нескольких минут перед его началом. Майкл много раз перечитывал это место, пытаясь разглядеть секрет истоков несомненного литературного дарования предка. Прадед сумел несколькими фразами, избегая громких слов и выпренности, передать и юношеский восторг своей решительностью, и прагматичность рассуждений о неизбежном для него финале поединка...

Следующие несколько страниц своего дневника Михаил Берг писал со слов тех, кто сумел его выходить после страшной раны и ампутации левой руки. И не только выходить, но и спасти от гнева царя-самодержца, бросившего на розыск «отступника от присяги» всю мощь полиции империи. Александр Второй не знал, да и не узнал никогда подоплеку и тайных пружин того самого оскорбительного для него поединка «мальчишки» со вторым лицом японского посольства.

Оправившись от ран и последствий обильной кровопотери, прадед Берга остался при монастыре: возвращаться в Россию ему было никак нельзя! В монастыре его нашел посланник Энмото, узнавший правду о поединке и мотивах своего русского друга. Энмото оценил его поступок: за исцеление Михаила и его укрытие он передал в дар паулинам свою катану, хотя по «кодексу самурая» не имел никакого права расставаться с божественным «продолжением своей руки».

Японец несколько раз предлагал прадеду уехать с ним в Японию. И, как понял из эпистолярных иносказаний прадеда внук, ради него несколько раз откладывал свое возвращение на родину, каждый раз мотивируя свою задержку то незаконченными посольскими делами, то начавшейся второй войной России с Турцией. В конце концов, он уехал...

Навещал Михаила в монастыре, всякий раз рискуя карьерой и своим положением, отец его невесты, чиновник высокого ранга по министерству железнодорожного сообщения. А невесте Настеньке так и не сказали, что ее нареченный жив: для нее, как и для родителей прадеда, его друзей и сослуживцев, тот считался пропавшим при невыясненных обстоятельствах. Прадед Майкла в своих дневниках не стеснялся признаться, что всей душой рвался к невесте, что практически ежедневно писал ей трогательные и добрые письма... Но его возвращение могло поставить под удар всех его близких – и он оставался в монастыре.

Там же Михаил Берг приобщился к чтению. Монастырская библиотека паулинов считалась одной из самых богатых в Европе, и, став ее хранителем и главным библиотекарем (а на что еще был годен однорукий инвалид?), предок открыл для себя совершенно новый мир. Мир Знаний.

В монастырской мастерской умельцы-монахи изготовили для Берга «механическую руку» с несколькими сменными наконечниками, и инвалид обрел возможность заниматься и физическим трудом. В летнее время он вместе с другими монахами работал в садах, в механических мастерских, а вечерами читал и беседовал с настоятелем.

Время шло, и предка все больше тяготили монастырские стены. Настал день, когда он пришел к настоятелю и заявил о том, что хочет вернуться в большой мир. Настоятель, аббат Дэве, не стал препятствовать. К тому же японец Эномото, покидая Россию, оставил настоятелю деньги для Берга, если тот когда-нибудь захочет покинуть монастырь.

У паулинов были обширные связи в Европе и России. Перед тем как Берг покинул Ченстоховский монастырь, аббат снабдил его новыми документами, деньгами и рекомендательным письмом к русскому офицеру-отставнику в Санкт-Петербурге. И вот предок с мадьярским паспортом Михэла Ковача через 16 лет покинул монастырские стены и вернулся в Петербург.

Берг-Ковач не боялся, что его могут узнать старые друзья и сослуживцы. Он рано поседел и выглядел старше своих 35 лет. Он отпустил длинные волосы, а усы и борода неузнаваемо изменили его лицо.

Вышедший в отставку несколько лет назад полковник Главного штаба Андрей Андреевич Архипов жил в небольшом особняке на Васильевском острове. Кроме него, в особняке обитали старый глуховатый солдат-денщик и еще одна прислуга мужского пола – то ли дворецкий, то ли камердинер.

У соседей Архипов слыл чудачком: выйдя в отставку, он увлекся собирательством и реставрацией разной старинной механики, и поэтому никто не удивлялся, что в массивные двери его особняка часто стучали старьевщики со своими тележками, мастеровые с рабочих окраин Петербурга и другие подозрительные личности.

А еще отставник устроил у себя настоящую механическую мастерскую, для чего и установил в подвале дома паровой двигатель. Чтобы шум и стукотня никому не мешали, окна подвала были заложены кирпичом.

В парадную этого дома и постучался осенью 1892 года пришлый мадьяр Михэл Ковач. И получил здесь место брокантора и разъездного агента при чуде-отставнике.

Со временем Архипов заметил склонность своего брокантора к механике и стал привлекать его к реставрации добытых повсюду шарманок, музыкальных шкатулок и прочих механических диковин. Отметил он и необычайную начитанность и эрудицию молодого помощника, его ярко выраженные аналитические способности. Теперь Архипов и Ковач редко расставались: днем они трудились в мастерской, а вечерами подолгу дискутировали в библиотеке полковника по самым разнообразным предметам.

Шло время, и наблюдательный помощник сделал вывод о том, что причуды его хозяина – не более чем маскировка, «ширма». Выяснилось, что отставка полковника была «липовой», и на самом деле Архипов волею Великого князя тайно возглавлял в Главном штабе разведывательное и контрразведывательное подразделение.

Надо сказать, что в конце XIX – начале XX веков разведка в России значительно уступала соответствующим европейским спецслужбам. За рубежом ею занимались статские дипломаты, и лишь на рубеже столетий штат большинства дипломатических российских миссий за рубежом был укреплен военными агентами. Однако отсутствие единого координирующего и управленческого органа разведки зачастую сводило усилия дипломатов и военных агентов на нет.

Что же касается противодействия иностранному шпионажу, то можно смело сказать, что конец XIX столетия в этом смысле был для России провальными. Контрразведка была падчей империи. Столицу, Москву, губернские и уездные города наводняли сотни шпионов, сумевших создать мощные разветвленные агентурные сети. На рубеже столетий в ряды прусских, германских, английских и французских шпионов влились десятки и сотни японских разведчиков и агентов: Страна восходящего солнца активно готовила будущую войну с Россией.

Десятки отечественных предателей и мздоимцев без помех продавали военные и экономические секреты всем, кто готов был за них платить.

Мыслящая элита России сознавала пагубность такой государственной «близорукости», однако военная реформа, начатая еще Александром II и с тщанием продолженная его наследником, ставили страну в крайне уязвимое положение. Отсутствие финансирования контрразведки и негативное отношение к самим «играм рыцарей плаща и кинжала» заранее обрекало Россию в ее будущих войнах если не на поражение, то на серьезные трудности.

Именно поэтому великая работа по созданию единого центра разведки и контрразведки велась в Главном штабе без афиширования, и даже конспиративно. Полковник Архипов был вынужден подать в отставку и продолжал свою деятельность вне военного ведомства, с помощью таких же энтузиастов.

После состоявшегося разговора начистоту Ковач согласился стать конфиденнтом полковника Архипова и выполнять задания по разоблачению иностранных шпионов в русской столице.

Этот род занятий пришелся прадеду Майкла по душе, и он с энтузиазмом отдается новому делу. Однако смена образа жизни и необходимость часто бывать в обществе, в офицерских клубах приводят к тому, что его узнает сослуживец по саперному батальону. К Ковачу начинают пристально приглядываться, ему нужно срочно уезжать. Он признается своему шефу Архипову, что живет по чужим документам, рассказывает ему свою историю.

Берг был глубоко симпатичен полковнику. Тот высоко ценил его агентурные и аналитические способности и не пожелал терять подающего надежды контрразведчика. Он принимает решение о временном удалении Берга из столицы, и с новыми документами и легендой отправляет его в Иркутск. Теперь мадьяр Ковач снова становится немцем Бергом – правда, уже без баронской приставки «фон».

Перед отъездом Берг осторожно наводит справки о семье Белецких. Он узнает, что его бывшая невеста Настенька давно уже забыла жениха и вышла замуж, у нее растут два сына.

Берг продолжает свою тайную деятельность конфиденнта в Сибири, а накануне начала Русско-японской войны получает задание перебраться в Токио. Там контрразведчик Берг становится уже разведчиком. И, по настоянию петербургского резидента, даже женится: натурализовавшийся агент привлекает к себе меньше внимания.

... «Патрол» проскочил узкий мост в Охотском, тяжеломерно вписался в крутой поворот и покатил вдоль берега. Водитель, молчавший всю дорогу, чуть повернулся к пассажиру:

– Вот Охотское море... Будем останавливаться? И где?

– Где людей поменьше...

Водитель, не сбрасывая скорость, свернул с асфальта налево, включив мимоходом передний мост. На песке «патрол» взвыл, замедлил ход, но все же «допахался» до мокрой линии прилива и тут остановился.

– У меня коврик есть. Постелить?

– Спасибо, Сергей Сергеевич, не надо. Я так поброжу, посижу...

Берг скинул туфли, стянул носки, подкатал брюки и спрыгнул на раскаленный крупный желтый песок. С наслаждением вдохнул воздух, огляделся.

Низкие длинные волны с громким шипением накатывали на песок, шевелили пряди оторванных водорослей. Дальше от берега яркая синева волн словно выцветала, а у линии горизонта и вовсе сливалась с небом. Между берегом и горизонтом медленно шевелился яркий силуэт небольшого судна в окружении цепочки белых точек – поплавок снастей.

Берг еще раз глубоко вздохнул и сел прямо на песок, под неодобрительным взглядом водителя. Чтобы подразнить его, демонстративно достал из внутреннего кармана пиджака тонкую фляжку. Заткнув кончиком языка горлышко, долго держал фляжку запрокинутой, делая глотательные движения. Зачем?

...Токийский период жизни казался прадеду серым и скучным. Сбор и обработка сведений военного и экономического свойства были серой рутинной. С русским резидентом в Токио встречаться Бергу было категорически запрещено. Да и знал ли о нем резидент? Добытые сведения прадед передавал в Россию через французского журналиста. Они уходили, как вода в пересохший песок, Берг не знал – нужны ли они кому-нибудь в России? Доходят ли они туда вообще? Однажды он попытался напомнить о себе Петербургу через русского журналиста Краевского, дерзко приехавшего в Японию с паспортом Перси Палмера из Сан-Франциско.

О русском происхождении лже-Палмера прадед узнал случайно: тот после какого-то банкета в иностранной колонии поднимался по лестнице в свой номер. И, запнувшись за край ковра, сильно приложился головой о перила и крепко при этом выругался по-русски. Гостиничный бой-японец, сопровождавший постояльца, внимательно поглядел на «американца», и Берг понял, что тот понимает по-русски. Спыхватился и лже-Палмер – Берг понял это по выражению беспомощной досады на его лице. Но – слово, как известно, не воробей...

Берг спустился в вестибюль. Он не имел права вмешиваться в ситуацию и подвергать риску себя и свою легенду. Он не имел права, в конце концов, рисковать своим маленьким сыном, родившемся в январе 1900 года. Но «Палмер» был русским, был его соотечественником!

За каждого пойманного шпиона Кансейкеку выплачивала доносчикам солидную награду. И бой, никому ничего не сказав у стойки портье, выскользнул на улицу – он спешил донести и не пожелал ни с кем делиться. Берг незаметно последовал за боем и в узком, словно лабиринт, переулке, настиг и прикончил его.

На следующее утро он постучал в дверь номера «Палмера». Тот уже не спал и встретил посетителя с револьвером, прикрытым полотенцем. Берг был краток: он сообщил, что «нейтрализовал» доносчика и предупредил соотечественника о необходимости всегда и везде быть осторожным.

С лже-Палмером он после этого встречался несколько раз, в обществе иностранных торговцев и журналистов. Тот явно хотел поговорить со своим спасителем, но Берг, встречаясь с ним взглядом, всякий раз еле заметно качал головой. И только накануне отъезда «Палмера» Берг нашел случай увлечь соотечественника за обширную портьеру и передал ему конверт без адреса, который тот должен был бросить в почтовый ящик уже в России. Адрес Архипова он назвал на словах.

Соотечественник спрятал конверт, пожал Бергу руку:

– Я Краевский, корреспондент «Русского слова». Вы не можете представляться, я знаю... Найдите меня в России, если когда-нибудь вернетесь... Спасибо вам...

Но Берг так никогда и не вернулся в Россию. И так и не узнал – дошло ли его письмо до адресата, или авантюрист-журналист избавился от него. Или позабыл адрес...

Русско-японская война закончилась позорным Портсмутским договором. Куда-то спигнул французский журналист, через которого Берг передавал донесения... Берг никому не был нужен ни в России, ни здесь, в опостылевшей ему Японии.

Шли годы, Берг старел. Не было и дня, чтобы он не думал о России, о Санкт-Петербурге. И через 15 лет после окончания войны постаревший разведчик совершил промах: он попытался восстановить связь с Русской миссией в Токио. Там, очевидно, работал предатель – потому что уже на следующий день Берга схватили. После двухнедельных допросов ему был предложен выбор: или он подписывает соглашение работать на японскую разведку в Шанхае, или...

Ему дали посмотреть на сына – двадцатилетний Илья был тоже арестован. У Берга не было выбора, и он согласился, поставив условием то, что в Шанхай он поедет только с сыном. Берг знал, что там, в континентальном Китае, живет много его соотечественников, покинувших Россию в смутные времена переворота и отречения царя от престола. Собственно,

и задание его было связано с Русской миссией в Шанхае. Подробности ему обещали сообщить позже – но речь шла о большом количестве золота, якобы присвоенном революционерами-большевиками.

Майкл Берг давно уже снял пиджак и вольно раскинулся на песке, заложив руки за голову, прикрыв веки и слушая завораживающий и усыпляющий шум волн. Шанхайская часть дневников прадеда была наиболее сумбурной и «шпионской». Здесь наличествовали и интриги, и подкуп, и погони с засадами. Как ни странно, именно к этой части семейных мемуаров Майкл относился скептически. Причин для скепсиса было две: во-первых, разведчики, как правило, дневников не ведут – себе дорожке может выйти. Во-вторых, нужно сделать скидку на возраст прадеда: к моменту его приезда в Шанхай ему было далеко за шестьдесят, со всеми отсюда вытекающими последствиями. Старик мог что-то забыть, перепутать. Или попросту присочинить.

Правда, в «дневниковой эстафете», подхваченной Ильей Бергом, работавшим в Шанхае вместе с отцом, неоднократно подчеркивалось, что его отец до конца дней сохранил ясный ум и незамутненную возрастом память. Сын разведчика и писал более сдержанно. И, самое примечательное, в основном – «задним числом», уже покинув континентальный Китай и «завязав» с императорской разведкой. Как ему это удалось – дед не откровенничал, и Майкл рассчитывал найти ответ на этот и множество других вопросов в мемуарах отца. Которые надлежало прочесть, напомнил он сам себе, лишь после временной отметки: «2000 год»...

Водитель давно уже сердито покашливал, и Майкл Берг со вздохом решил, что пора двигаться дальше. Он легко поднялся с песка, обмахнул рукой брюки и рубашку, тряхнул пиджаком и весело улыбнулся водителю:

– Заскучали, Сергей Сергеевич? А ведь солдат спит, а служба идет! Помните? Ну, поехали! Что там у нас дальше? Остромысовка?

– Так точно. Но ехать долгонько: до города тридцать пять верст и оттуда в другую сторону – «сороковник» только по асфальту. Плюс по проселкам до Остромысовки еще километров тридцать, по-моему... Сдюжите, господин хороший?

– Крути баранку, солдат! О пассажире не печалься!

– А чего мне печалиться? – Водитель включил мотор и с ревом повел мощный «патрол» по песку к трассе. – Тут, за мостом, базарчик будет местный... Крабов продают, свежих, только что выловленных! Ну, в смысле только что сваренных, конечно. Не желаете?

– Наверное, их без сноровки из панциря на ходу сложно выковыривать! – усомнился в своих способностях Майкл. – Не знаю даже...

– А вам и не надо ручки пачкать! – пообещал водитель. – До места домчим – а там, пока вы лежать будете, я их мигом почищу! Только вот что: вы из машины у базарчика не выходите! Я сам куплю: тетки тут хоть и провинциальные, а глаз у них набитый! Враз иностранца в вас определят и цену вдвое, если не втрое назовут. О'кей?

– О'кей, о'кей! – рассмеялся Берг.

Он осмотрел спинку своего сиденья, увидел выдвижной подголовник, установил его на нужную высоту и откинул голову. Так ехать и одновременно размышлять стало гораздо комфортнее.

Да, у истоков нынешнего дела стоял его отец, Андрей Берг. Он родился в Харбине, в 1926 году. И сизмальства, если верить письменным воспоминаниям, был приучен своим отцом к сыскному делу. А тот, потеряв связи с императорской разведкой Японии, основал в Шанхайском сеттльменте частное сыскное бюро. Благодаря «шанхайской мешанине» – кого только в то время там не было! – работы у частного сыскного бюро «Берга и сын» хватало. Он выслеживал и большевиков, и их противников. Не гнушался принимать частные заказы на «выяснение подробностей» личной жизни жен и дочерей эмигрантов всех стран, населяющих сеттльмент.

Проникновенных строк о России и следов тоски по ней в дневниках отца не было. Да это и неудивительно: откуда взяться ностальгии по тому, чего никогда не видел? Тоски по тому, чего никогда не увидишь? Вот и известие о том, что на Россию напал Гитлер, Илья Берг воспринял без всяких оттенков возмущения. Ну, напал – и что с того? Россией давно управляли бессовестные большевики, узурпировавшие власть и согнувшие русский народ под тяжестью коммунистического ига. Нет России – только название и осталось – а чего по наименованию слезы лить?

...Когда джип свернул с асфальта на дачный проселок, ведущий к Остромысовке, комфортные размышления пришлось прервать: слишком трясло. Майкла Берга за дорогу размогло – а тут, чтобы не вышибло зубы на ухабах и кочках, приходилось держаться за спинки передних сидений и за дверные ручки.

Водитель, поглядывающий на пассажира в зеркало, злорадно, как казалось Бергу, улыбался в густые усы. И даже один раз нравоучительно заметил:

– Сами хотели Остромысовку поглядеть, господин хороший! А это вам не Япония, тут дороги на выживание... Россия, что с нас взять!

Дорога «на выживание» кончилась у трех домиков лесного кордона. Водитель остановил машину, повернулся к пассажиру:

– Теперь куда?

– А где же море? – немедленно отозвался Берг.

– Не знаю, никогда здесь не был, – недовольно отозвался Сергей Сергеевич. – Может, туда и вовсе дороги нет, тропка какая-нибудь козья.

– Давайте спросим у детей, – предложил Берг, открывая дверцу и жестом подзывая мальчика и девочку лет 8-10, выскочивших на шум машины из-за крайнего дома.

– Вниз? – мальчишка с восторгом погладил крыло джипа. – Да, к морю можно спуститься. Во-он там, за стогом сена! А мне можно с вами прокатиться, дяденьки?

– Если родители разрешат! – покачал головой водитель. – Иди, отца спроси!

Но как только дети убежали в дом, водитель тронул машину и поехал к стогу.

– Нехорошо детей обманывать, – заметил Берг.

За сеном обнаружилась узкая просека и заросшая колея, круто спускающаяся по склону. На минуту притормозив, водитель снова включил передний мост, выругался и осторожно направил джип в колею.

– А вы говорите – детей обманывать нехорошо! – буркнул он сквозь зубы, выворачивая руль и не снимая ноги с педали тормоза. – Куда по такой тропке с детьми?! Отвечай потом за них!

Спуск продолжался несколько минут, показавшихся Бергу достаточно неприятными. Насколько он чувствовал, уклон превышал 30 градусов. И водитель, и пассажир догадывались, что произойдет с тяжелой машиной, если передние колеса угодят в скрытую густой травой промоину или яму...

Но все на свете когда-то кончается. Кончился и крайне неприятный спуск, и «патрол», выкатившись из узкого зеленого «коридора», оказался на каменистом пляже.

Берг вышел из джипа и буквально замер, пораженный дикой красотой этого уголка природы. Не паточно-слащавыми, умиротворенными, прилизанными и словно рукой художника отретушированными пейзажами, а первозданной мощью природы. Еще час с небольшим назад он стоял на берегу того же самого Охотского моря – словно это было на другой планете... Там – горячий песок по щиколотку, длинная череда пологих волн и слепящее солнце. Здесь – только острые углы без малейших признаков мягкой округлости. Серые камни до самого горизонта в обе стороны, сердитые волны, с яростью бросающиеся на прибрежные валуны, хмурое небо... Длинную полосу каменного пляжа сторожила череда утесов с кривыми, неправдо-

подобно вывернутыми ветром лиственницами. Здесь дул сильный порывистый ветер и было гораздо прохладнее, чем полусотней километров южнее...

– Ну, если здесь думаете полежать, то без моего коврика ребра поломаете, – в голосе водителя слышалась явная насмешка. – Достать?

– Давайте попробуем проехать по берегу в ту сторону, – махнул рукой Берг. – Или в ту, не знаю...

– Можно и попробовать, – с той же легкой издевкой пожал плечами Сергей Сергеевич. – Машина казенная, протекторов не жалко! Только далеко не проедем, господин хороший! Я хоть и не был здесь, но ландшафт подобный мне знаком. Видите, и в той, и в другой стороне скалы совсем близко к морю подступают. Значит, там есть «говны» – непроезжие и, может быть, даже непроходимые места. Да и чем те места от этого отличаются, откровенно говоря? Там камни и тут камни...

– Поехали! – решительно прекратил спор Берг.

– Хозяин – барин, – привычно отреагировал водитель.

«Патрол», пофыркивая, покати́л на север, вдоль седых от пены волн Охотского моря. Когда до каменного «завала» оставалось метров 400, Берг попросил водителя остановиться:

– Ну, вот здесь мы и устроим привал, Сергей Сергеич! Я поброжу, осмотрюсь, а вы вроде обещали крабов почистить?

Ну вот, со смешанным чувством облегчения и некоторого сожаления подумал Берг. Ну вот: его это давнее дело больше никак не касалось, подумал Берг. Он честно попытался довести неоконченное дело до логического конца и одновременно выполнил поручение клиента. Никто не может его упрекнуть в том, что Берги спасовали!

Он повернулся к машине и побрел к ней по камням. Сумрачный водитель Сергей Сергеевич заканчивал вынимать нежное мясо из колючих бело-розовых ног второго краба.

– Нам, наверное, будет достаточно, – улыбнулся Берг. – А остальных возьмите себе, угостите своих домочадцев. О'кей?

Ретроспектива-1 (январь 1946 года)

Аэродром Ацуги, Япония

– Со всем уважением, сэр, но не я придумал эту шараду! – Сержант-синоптик откинулся в своем вращающемся кресле назад и широко осклабился, не выпуская изо рта зубочистку.

Лейтенант Арчи Лефтер, сдерживая раздражение, вновь склонился над хаотично расстеленными на сдвинутых столах синоптического бюро авиакрыла картами с зафиксированной на сегодняшний день погодной обстановкой.

– Значит, чтобы обойти фронт циклона, я должен лететь строго на север примерно два часа, и только потом изменить курс на северо-восток. Сардж, но ведь это уже русское воздушное пространство!

– Прошу прощения! – извиняющимся тоном повторил сержант. – Прошу прощения, но иного решения поставленной перед вами задачи я не вижу. Да и вы наверняка тоже, сэр! Лететь сразу на северо-северо-восток, сквозь бурю – это безумие! Ваш «гусь» обледенеет через четверть часа полета и неминуемо потеряет при этом пятую часть крейсерской скорости. Штаб приказал мне рассчитать вашу точку randevu с крейсером «Канзас» в максимально благоприятной погодной обстановке. И мы тут с самого утра решаем эту шараду, сэр. И уже замучили радиста «Канзаса» своими запросами насчет того, что там вокруг него происходит. Эта точка, как я полагаю, здесь!

Не выбираясь из кресла, сержант-синоптик ткнул карандашом в карту и продолжил:

– Крейсер будет в точке randevu через шесть – семь часов. Ветер у них там северо-западный, 10–12 узлов, волнение 0–2 балла, высота волны, как передают с «Канзаса», не более трех-четырех футов. Однако по нашим данным, часов через десять крейсер попадет под влияние тыловой части циклона, и обстановка там резко ухудшится. Ветер усилится, высота волн достигнет шести-восьми футов. Сможет ли ваш «дикий гусь» сесть при таком волнении?

Лейтенант, продолжая разглядывать карты, выругался.

– Сэр, я тут совершенно не при чем, – начал терять терпение синоптик. – Изложите свои возражения в штабе! Если к вам прислушаются, то полет отложат, а нам прикажут искать новую точку randevu... Только имейте в виду, сэр, максимальную дальность вашего полета. Это не мое дело, конечно – но я позвонил парням-механикам и узнал, что при крейсерской скорости сто восемьдесят узлов дальность полета «груммана» не превышает восемьсот миль. Через сутки «Канзас» – если, конечно, там не получают приказ лечь в дрейф или повернуть назад – окажется за пределами вашего плеча перелета. Так что смотрите сами, сэр!

– Счастливого оставаться, сардж! – Пилот встал и раздраженно сбил стеком сидящую на стене муху.

– Прошу прощения, сэр...

– Да, сардж? – уже в дверях пилот оглянулся.

– Это, конечно, не мое дело, сэр. Но все-таки интересно: вам выпала редкая возможность вернуться домой и закончить с этой дурацкой войной. «Грумман», как мне рассказали, в военных условиях – «птичка» одноразового использования. Сев в условиях открытого моря на воду, вы тем самым выполните вылет в боевых условиях... Какого черта, сэр? Вернетесь домой на крейсере, с относительным комфортом, получите нашивку аса и думать забудете про всех этих косоглазых!

– Надо же! Моя птичка, оказывается, одноразового использования! – хмыкнул Лефтер со всем доступным ему сарказмом. – Хорошо быть умным, сардж! Не замечали?

Сержант-синоптик, поняв издевку, поджал губы, и Лефтер с торжествующим видом захлопнул за собой дверь.

В штаб он, разумеется, не пошел. Это было бессмысленно. Зачем? Приказ никто не отменит, да никто и не возражает против этого спецзадания. Уж, во всяком случае, не он, первый лейтенант Лефтер! Правда, никто и не возьмет на себя труд объяснять чертову необходимость этого полета. Значит, надо лететь.

День для первого лейтенанта ВВС США Арчи Лефтера явно не задался. Вестовой из штаба с пакетом поднял его в 7 часов утра. Приказ был однозначным: не позднее полудня, с учетом метеобстановки, вылететь вдогонку за вышедшим сутки назад из Июкогамы крейсера «Канзас», возвращающимся в США и передать командиру срочный груз. В случае непредвиденного ухудшения погоды – сбросить груз на парашюте. При невозможности возвращения на базу – приводниться возле крейсера, перейти на него и по прибытии в США явиться в расположение ближайшей базы ВВС и получить новое назначение. При приводнении вне зоны доступности от крейсера «Канзас» – перейти на спасательный плот и ждать помощи.

Все было верным: и нынешний приказ, и пункт контракта с ВВС США, в соответствии с которым предусматривалась аварийная ситуация при посадке «груммана» на воду. Более того: Лефтер уже попадал в подобную «нештатную» ситуацию – четыре месяца назад больше суток просидел на спасательном плоту вблизи Гуама, пока его не подобрал патрульный катер с островов. Нашивку за тот вылет он, разумеется, получил – однако воспоминания о нем остались самые неважные. В самом деле, какого черта: сидишь на тонкой резиновой оболочке плота, под задницей бог знает сколько миль – не футов, а миль! – соленой воды, и не знаешь, то ли придет кто-то на помощь, то ли нет...

Все еще на что-то надеясь, Лефтер позвонил дежурному по авиакрылу, однако тот подтвердил: в соответствии с приказом полковника Райли, «грумман» уже извлекли из трюма транспортного корабля и в данную минуту на трейлере везут в аэропорт Ацуги. Команда механиков собрана, и крылья гидросамолета, демонтированные на время морского перехода, будут поставлены на место в нормативное время, не позднее, чем через два часа.

Значит, надо лететь...

«Грумман G21 Goose» был достаточно редкой «пташкой» в ВВС США. Его серийный выпуск для коммерческого использования начался на заводах Груммана еще в 1938 году и военного предназначения изначально не имел. Самолет был амфибией, имел три поплавка и выдвижное шасси с ручным приводом для посадки на землю.

Когда в Европе запылала Вторая мировая, компании «Грумман» стоило немалых усилий и «подмазываний», чтобы ее детище было включено в реестр военных заказов. Самолет-амфибия, как уже упоминалось, имел чисто гражданское предназначение и мог взять на борт только две бомбы максимальным весом не более 45 килограммов каждая. С этим боекомплект, кстати говоря, Лефтер и совершил свой первый и пока последний боевой вылет. Правда, две бомбы, сброшенные экипажем на вражеский торпедный катер, в цель не попали – что и подтвердило неважное мнение экспертов о значении самолета-амфибии как бомбардировщика.

Заднего «фонаря» для стрелка с пулеметом для защиты «груммана» не было конструктивно предусмотрено, и «гусь» представлял собой легкую мишень для вражеской авиации. К тому же пилотаж «груммана», как и всякой другой амфибии, требовал от летчика специфичных навыков, дополнительного обучения и практики. Все это привело к тому, что пакет военного заказа Министерства обороны США на «гусей груммановской породы» был весьма ограничен. Военно-морской флот США поначалу заказал один «оценочный экземпляр», дав ему обозначение XJ3F-1. После этого последовал заказ двух десятков серийных машин, переименованных в JRF. Последняя модификация «гусей» имела форсированные двигатели. Однако этот фактор имел и свою оборотную сторону: форсированные моторы жрали бензина в два раза больше нормативов, и возвращение на базу после вылета стало более проблематичным, чем раньше.

В Японию в 1945 году было направлено восемь «грумманов», а летчиков для их пилотирования из-за путаницы и неразберихи в штабах экспедиционного корпуса оказалось всего двое. Причем коллега Арчи Лефтера с месяц назад, будучи в увольнении, лихо спрыгнув с высокого борта «студебекера», умудрился сломать лодыжку и был отправлен на родину.

Таким образом, Лефтер, переброшенный в составе 6-го авиакрыла в Японию в сентябре, за четыре месяца не совершил ни одного вылета на своем «гусе». Сама же амфибия из-за отсутствия потребности в ней до сей поры пребывала в транспортном состоянии в корабельном трюме, и лишь сегодня стряслось нечто такое, что потребовало экстренного вылета.

Заглянув утром в штаб, первый лейтенант попытался тактично разведать – что за груз ему необходимо так срочно перебросить на крейсер. Однако вместо разъяснений незнакомый полковник лишь наорал на Лефтера, обвинив его в том, что он транжирит время вместо того, чтобы лично следить за сборкой самолета. Лефтер, отвлекая полковника, попытался выяснить – надо ли ему подавать заявку в арсенал на получение боекомплекта из двух бомб – и получил еще более гневную отповедь, из которой сделал единственный вывод: полковник и сам толком не знал специфику задания.

Лефтер поставил вопрос иначе: бог с ним, с грузом. И с боекомплектом как-нибудь утрясется. Но как быть со вторым пилотом? Ведь инструкция запрещала вылет самолета-амфибии с неукomплектованным экипажем.

В этом вопросе полковник вынужден был признать правоту лейтенанта. В казармах аэродрома Ацуги маялось от безделья около сотни летчиков, однако о том, что кто-то из них добровольно согласится полететь вторым пилотом на незнакомом самолете, можно было и не мечтать.

– Свободны, лейтенант! – сухо распорядился полковник. – Не забудьте переодеться перед вылетом. Второй пилот найдет вас не позднее чем через час.

Сержант-каптенармус выдал Арчи Лефтеру целую кучу зимнего обмундирования по списку «Норд». Не отвечая на шуточки и подначивания слонявшихся по коридору казармы летчиков, Лефтер добрался до своей комнаты, переделался и отправился к ангарам, где должен был уже закончиться монтаж крыльев его «гуся».

При виде летчика в полярной экипировке механики примолкли и начали с улыбками переглядываться: столбик термометра в Ацуги, несмотря на январь, показывал пять градусов выше нуля по Цельсию. И человек в полярном комбинезоне на голых, без единой снежинки, бетонных плитах смотрелся диковато. Чернокожий сержант-механик, пряча улыбку, встретил Лефтера у распахнутой дверцы самолета, отрапортовал о готовности машины.

– Правда, есть одна проблемка, кэптен, – механик поскреб затылок. – Ваша «птичка» слишком долго простояла в трюме, и какие-то паразиты на корабле явно использовали с «грумера» как распивочную, сэр! Думаю, прятались от начальства. Мы нашли в самолете пару бутылок из-под виски, а также блевотину, сэр. Прямо под решеткой, на трубках системы отопления.

– Нашли – и что? – Лефтер глядел на громилу-сержанта снизу вверх.

– Ничего, сэр! – осклабился тот. – Я и мои парни – механики, кэптен! Мы проверили все системы самолета, погоняли моторы, «птичка» готова к полету, и я готов подписать все необходимые бумаги, сэр. Но убирать чью-то блевотину – не наша обязанность, сэр!

– В таком случае на бумагах не будет моей подписи, сардж! – заявил сгоряча Лефтер.

И тут же сообразил, что попал в чрезвычайно неприятную ситуацию. В военно-воздушных силах, как и во всей американской армии, крайне негативно относились ко всем стычкам и конфликтам на расовой почве. Дисциплинарные комиссии, разбирая неизбежные порой стычки между военнослужащими, явно злоупотребляли политкорректностью, и все конфликты с участием чернокожих солдат и офицеров толковались исключительно в их пользу. Такая политика часто доводила до абсурда, и возмущенное белое большинство порой гневно вопрошало: какое же преступление должен совершить негр, чтобы решение командования было при-

нято не в его пользу? Чего греха таить: чернокожие военнослужащие вовсю и без зазрения совести пользовались этим.

Так было и тут. Будь сержант-механик белым, Лефтер, не задумываясь, просто приказал бы ему привести самолет в порядок, а в случае отказа выполнить приказ написал бы рапорт, следствием которого стало бы несколько суток ареста для младшего по званию.

– Ваше право, сэр! – Сержант продолжал улыбаться, заранее зная, что никаких рапортов этот молокосос-лейтенант писать не будет. – Но мне кажется, я знаю выход, сэр! Хотите, я приведу сюда мальчишку-уборщика из казарм? Он мигом все уберет – побоится потерять работу, сэр!

– Мальчишку? Вы имеете в виду мальчишку-японца? – Лефтер глянул на механика чуть ли не с благодарностью, но все же заметил. – Сардж, а как же быть с приказом о том, чтобы и близко не подпускать местное население к боевой технике ВВС? Нам с вами может здорово влететь, если начальство узнает об этом!

– Да кто об этом узнает! – хохотнул сержант. – К тому же это просто мальчишка, с которого я не спущу глаз! Впрочем, сэр, если вы предпочитаете несколько часов нюхать «разогретую» блевотину...

– Тащите сюда вашего мальчишку! – решилсЯ Лефтер. – Да держите язык за зубами!

Донельзя довольный таким выходом из критической, казалось бы, ситуации, пилот глянул на часы: до назначенного вылета оставалось немногим более часа, а о втором пилоте и о грузе, послужившем причиной всей этой суеты и нервотрепки, пока не было ни слуха ни духа.

От нечего делать Лефтер следил, как высоченная фигура сержанта-механика в плащ-накидке добралась до длинного параллелепипеда здания казарм и исчезла за ним. Не прошло и пары минут, как фигура показалась снова, и Лефтер ухмыльнулся: догадливый сержант прикрыл тощую фигурку мальчишки полой своей накидки, а ведро и швабру нес в свободной руке.

– Кто-то едет к нам, кэптен! – окликнули его из группы механиков.

Лефтер обернулся: от ворот базы в их направлении мчался «виллис». Машина лихо притормозила рядом с самолетом, из нее выпрыгнул сержант с нашивками военно-морского флота.

– Кэптен Лефтер? – Сержант небрежно кинул ладонь к матросской шапочке. – Груз для доставки на борт «Канзаса» для вас, сэр! Вам необходимо расписаться в получении, сэр! Вот здесь... И время, сэр! Благодарю вас, сэр! Счастливого полета!

Сержант, упрятав бумаги в карман, мотнул головой водителю «виллиса», и с его помощью моряки вытащили с заднего сиденья машины длинный ящик, поставили его возле правой стойки шасси «груммана».

– Эй, сардж, погодите-ка! – окликнул Лефтер. – А что это за груз, черт его побери? Вы вдвоем с матросом, как я погляжу, с трудом вытащили этот проклятый ящик! Там, случайно, не парочка торпед? Не взрывчатка? Может, для этого груза нужны какие-то особые условия транспортировки или меры предосторожности?

– Насколько я знаю, никаких особых условий не требуется! – хмыкнул моряк. – Там действительно оружие, кэптен. Но вряд ли оно когда-нибудь взорвется, сэр! Это мечи. Самурайские мечи – пятнадцать штук, сэр!

– Самурайские мечи? – Пилот был поражен. – Вы хотите сказать, сержант, что флотские остолопы сначала заблевали пассажирский отсек моего летающего «гуся», потом экстренно извлекли из трюма, привели в рабочее состояние – и все только из-за нескольких кусков самурайского железа?! И я должен лететь сквозь фронт снежной бури, через русское воздушное пространство, рискуя быть сбитым, только для того, чтобы доставить на крейсер этот металлолом? Вы, верно, шутите, сержант!

– Нисколько, сэр! – ухмыльнулся моряк. – Мы толковали об этом вчера с парнями и тоже ничего понять не можем, сэр! Эти мечи японцы по всей зоне оккупации сдают тысячами! И чертову уйму этих железяк мы всю осень топили в заливе. Правда, именно эти мечи позавчера

на наш линкор «Миссури» привезли какие-то очень важные местные «шишки». Настолько важные, что главнокомандующий союзными войсками генерал Макартур лично встречал их у трапа! Кто-то из правительства Японии, сэр! А то и выше подымай: ординарец нашего командира клялся, что одним из посетителей был сам японский наследный принц!

– С ума сойти! – бормотал Лефтер, обходя вокруг ящика и даже трогая его ногой.

– Вообще-то это секрет, сэр! – Сержант доверительно понизил голос, но тут же продолжил, не обращая внимания на то, что вокруг собрались вся команда механиков. – Но какого черта! Какой тут может быть секрет, если мы вчера полдня всем кубриком паковали эти проклятые мечи! Большое начальство требовало, чтобы эти штуки были в безопасном герметичном контейнере. И мы не придумали ничего лучше, чем засунуть их в корпуса ПСА – подводных самоходных аппаратов для водолазов, сэр. А для этого понадобилось вытаскивать из ПСА всю начинку.

– Боже милостивый! – Лефтер продолжал ходить вокруг ящика.

– Больше чем по пять штук, в корпуса не входило, кэптен! Они же в ножнах, и все такое... Когда на «Канзасе» получают этот подарочек, то могут вообразить, что это какая-то новинка, сэр! – Сержант хихикнул. – Вот только водолаз, оседлав такой ПСА, далеко не уплывет! Мы снимали и рули глубины и даже рукоятки-держатели для управления ПСА.

– Спасибо, что просветили, сардж! – вздохнул Лефтер. – Думала ли моя мамочка, благословляя меня перед отправкой на фронт, что ее сыну будет доверено развозить по театру боевых действий ритуальные «причиндалы» нашего злейшего противника!

– Думаю, что это не какие-то заурядные мечи, сэр! Их подняли на борт в расписном богато украшенном деревянном сундуке. Японцы только что не молились на этот сундук, сэр! А вот официально принимал сундук – как, по-вашему, кто, сэр?

– Да где уж мне угадывать после таких новостей! – Лефтер махнул рукой.

– Не главнокомандующий Макартур, сэр! И даже не кто-то из его заместителей или командир «Миссури». Для приемки сундука откуда-то специально привезли обыкновенного сержанта 7-го кавалерийского полка, Колди Баймора. Он и принял, в качестве официального уполномоченного лица союзных войск, этот сундук. Что вы скажете о таком обороте, сэр?

– Что у нас, военных летчиков, очень веселая жизнь, сардж! – раздался голос из-за спины Лефтера, и пилот поспешно обернулся. Он и не заметил, как откуда-то сзади к самолету подошел офицер с нашивками лейтенанта.

В руках лейтенант держал туго набитый вещмешок. Лефтер смутно припомнил, что как-то видел этого офицера в казармах, но лично знаком с ним не был.

– Разрешите представиться, командир: лейтенант Райан. Винсент Райан, с вашего позволения. Можно просто Винс. Только что получил приказ лететь с вами в качестве второго пилота, кэптен.

– Привет, Винс! Я Арчи Лефтер. Как ты догадался – командир этого «гуся»!

Лефтер кивнул подошедшему механику:

– Выпускай своего японского «нарушителя» из-под накидки, сардж! И поторопи его с уборкой! Он понимает по-английски, кстати говоря?

– Мало-мало лопочет, – пожал плечами механик. – Эй, парень, хватай свое ведро и пошли в самолет, я покажу тебе фронт работы! Управишься быстро – получишь пару пачек галет! Понятно? И не смей ничего трогать руками в самолете, парень!

– Я понимаю! – Куроки Рока согнулся в поклоне, подхватил ведро и швабру и так быстро нырнул в открытую дверь «груммана», что сержант-механик только крикнул.

– Не так быстро, парень! Мне велено не спускать с тебя глаза! – И, согнувшись, механик полез следом за маленьким японцем.

Сержант снял две секции нижней решетки и показал мальчишке – где именно надо убирать. Тот кивнул, встал на колени и проворно принялся мыть и скрести неглубокую нишу, через которую проходили какие-то тросы и трубки.

Рока молился, чтобы этот огромный негр хоть на минутку отвернулся. Даже на полминутки – ему хватит этого времени! Бомба была спрятана у него за пазухой, а трубка взрывателя прикручена изоляционной лентой к ручке швабры. Только полминутки! И место для бомбы очень удачное!

Он скреб засохшие остатки чьих-то рвотных масс и искоса поглядывал на негра. Словно услышав его молитву, тот зевнул, потом, словно спохватившись, снял с шеи болтавшийся на ремешке фотоаппарат и выскочил из самолета.

– Кэптен! Не желаете ли фото на память, сэр? В моем «Кодаке» еще осталось чуток пленки. Многие из парней заказывают даже по полдюжины отпечатков. Будет что показать своей девушке, когда мы уедем отсюда! Всего по доллару за снимок, и будет готово к вашему возвращению, сэр!

– Ну, что ж, – Лефтер пригладил волосы, оглянулся на самолет и поставил одну ногу на злополучный ящик. – Только снимите так, сардж, чтобы и мой «грумман» попал в кадр! На обороте снимка я напишу: командир Лефтер перед вылетом на особо важное боевое задание!

Под дружный смех механиков сержант несколько раз щелкнул затвором фотоаппарата. Вспомнив про моряка, Лефтер повернулся к нему:

– Сардж, поскольку вы тоже имеете прямое отношение к этому «сверхсекретному» грузу – не желаете ли сняться со мной на память? ВВС и ВМФ США – в одной упряжке! Вместе куют трудную победу над коварным врагом! Так и быть, я заплачу за все фотоснимки...

– Флотские никогда не были чьими-то нахлебниками! – запротестовал тот, становясь рядом с Лефтером. – Эй, парень, я черкну тебе адрес и оставлю пару баксов – надеюсь, не обманешь, перешлешь!

Под дружный смех и взаимные подначки авиатехник сделал еще несколько снимков.

– Сэр, с вашего позволения, мы поехали! – глянув на часы, заторопился моряк. – Еще раз – счастливого полета! И не держите зла на морфлот за блевотину и прочее, кэптен!

– Спасибо, сардж! Я подумаю, как отыгаться на флотских за то время, пока мы будем пробиваться к вашему крейсеру! – Лефтер повернулся к чернокожему механику. – Вы не забыли про вашего «диверсанта», сардж?

– Сейчас я его потороплю, кэптен! – Сержант упрятал аппарат в футляр. – Сколько вам сделать отпечатков?

Как только негр вышел из самолета, Рока сорвал изоленту, крепившую латунную трубочку к ручке швабры, засунул конец взрывателя в отверстие в жестянке из-под конфет и сильно сдавил свободный конец трубочки. Силенок у мальчишки было маловато, и хруста стекла он не услышал. Похолодев от страха, что все было понапрасну, Рока сунул трубочку в рот и, ломая зубы, сильно прикусил. Теперь он отчетливо услышал хруст стекла!

Рока вставил взрыватель на место и засунул жестянку поглубже под решетки. Все! Его война с Америкой началась!

Мальчишка снова торопливо схватился за тряпку и принялся яростно тереть неглубокое дно ниши и трубки. Отжав над ведром тряпку несколько раз, он разогнулся – как раз в тот момент, когда сержант-негр снова полез в самолет.

– Долго ты еще будешь тут возиться, парень? – рыкнул он.

– Я закончил работа, сэр! – Рока поклонился, показывая рукой с тряпкой на отскобленную нишу.

Сержант склонился над нишей, оценивая работу. Блевотина была смыта. Механик заглянул под решетки поглубже, проверяя, не осталось ли грязи. Отвлекая его, Рока затеребил американца:

– Сэр, вы обещали мне за работу галеты! Пожалуйста, сэр!

Механик с кряхтением разогнулся.

– Не очень-то ты и спешил, парень! Ну, да ладно! Пошли обратно в казармы, там я отдам твои галеты!

– Спасибо, сэр!

– Не вздумай никому болтать, что выходил на летное поле и убирал в самолете! – предупредил механик. – Меня за это будут ругать, а ты запросто потеряешь работу. Понял, парень? Эй, а чего ты так лыбишься, парень?

– Мой радуется, что получит галета, сэр!

Глава вторая

04

Сахалин, западное побережье острова, 2011 год

Солнце садилось за темную неровную полосу тайги в окружении вытянутых вдоль горизонта редких и сплюснутых облаков. Над желтым проселком, нагретым за день, поднималось легкое марево теплого воздуха, но с запада, где таилось невидимое пока море, ощутимо тянуло холодной пронизывающей свежестью. Михаил прищурился на дорогу, исчезающую за поворотом, и удовлетворенно вздохнул: завтра, в это же время, он начнет свой двадцатый сезон. Двадцатое поле, как он называл.

Знакомясь с новыми людьми, он чаще всего представлялся археологом – это было и солидно, и с оттенком романтичности. Иногда – историком-археологом. Формально это было совсем недалеко от истины: когда-то он получил диплом по специальности преподавателя истории в средней школе. Однако два десятка лет назад, принеся домой трудовую книжку с последнего места работы, больше из сервантного ящика он ее не доставал, и новых работодателей своей персоной не осчастливливал.

Последним местом работы был краеведческий музей, где Михаил Алдошин в преддверии лихих девяностых попытался вместе с занятием по своему дипломному профилю найти основу для собственного бизнеса. Тогда «второй НЭП» – возрождение кооперативного движения – не только выманил из тени массу подпольных цеховиков, но стал недолгой надеждой для последних романтиков развалившегося СССР. Те, как известно, попытались было честно самореализоваться на ниве частного предпринимательства. Что из этого получилось – общеизвестно: в условиях тотального госрэкета и чиновного произвола «бизнесмены новой формации» от романтики очень быстро освободились. И стали жить так, как диктовали сложившиеся обстоятельства. А кто и вовсе спился.

Алдошин пошевелился в своем походном парусиновом кресле с подлокотником, поглядел на часы: до конца первого этапа пути в поле было около часа езды по этому желтому проселку. Если, конечно, за последний год этот проселок не добились дожди, тяжелая техника и людской пофигизм – тогда он доберется до портового поселка уже затемно. Дожди, конечно, дождями – а вот тяжелой техники, скорее всего, здешней дороге не видать: единственный признак цивилизации, шахта, основанная еще во время японского владения островом, в лихие девяностые приказала долго жить.

Он еще раз поглядел на закат: признаков ветреной погоды вроде не наблюдается, стало быть, морской этап в поле пройдет без приключений. Алдошин рывком выбрался из кресла, сложил в опустошенную коробочку из-под лапши «Доширак» мелкий мусор, оставшийся от вечерней трапезы. Свистнул спаниелю Ульке, своей постоянной полевой напарнице, и сложил кресло. Через три минуты его микроавтобус с полным приводом уже резво катил по дороге к морю.

В поселок он приехал так, как и рассчитывал – примерно через час. Автобус проскочил мимо покривившего ржавого дорожного указателя с названием поселка, нырнул под виадук, обогнул последнюю сопку и сразу же очутился на центральной улице, до сих пор носившей гордое имя Советской. Еще два поворота – и Алдошин, почти не притормаживая, въехал во двор давнего своего знакомого, у которого останавливался последние 6–7 лет.

Здесь, как и во всем поселке, с минувшей осени ничего не изменилось. Тот же квадрат пустого двора без признаков огорода. Приоткрытые двери сараюшки и угольно-дровяного лабаза, с десяток белых кур, расхаживающих вокруг мелкого корытца с кормом, сохнувшее

белье на провисшей веревке... Впрочем, нынче в этом дворе имелось большое и сверкающее черным лаком добавление – вымытый явно недавно, без малейших признаков желтой дорожной пыли «Ленд-Крузер» с «блатным» номером из трех четверок. Он по-хозяйски занял место едва ли не в центре двора. Рядом с ним притулился давно знакомый Михаилу кургузый внедорожник «эскудо» – на нем в поле ездил давний его коллега и злейший враг одновременно – Виктор Семенов. В городе он, разумеется, передвигался на более престижной «Ниссан-Инфинити».

Алдошин заглушил мотор, до упора опустил боковое стекло. Ну, с Витькой Семеновым все понятно – он давно петли вокруг его раскопок вьет. Но вот откуда бы тут взяться «ленду»? С хозяином дома он говорил по телефону два дня назад, принял у него обычный заказ на традиционные «гостинцы» – никакого разговора о других постояльцах и визитерах и в помине не было!

Улька, имевшая в прошлом печальный опыт общения со здешними барбосами, никаких попыток выскочить из автомобиля не предприняла – лишь поставила передние лапы на торпеду и подозрительно осматривала окрестности. Велев спаниелю на всякий случай «сторожить», Алдошин выпрыгнул из автобуса и, разминая поясницу, вглядывался в окна дома в глубине двора.

Вот за одним давно не мытым стеклом мелькнула и тут же пропала чья-то белая физиономия. Скрипнула и с шумом распахнулась дверь, и на крылечке наконец появился хозяин дома, Степаныч. Он приветственно поднял руки:

– Мишаня, привет! Ты точен, как пассажирский экспресс! С прибытием, с прибытием, друг!

Степаныч, в глубоких галошах на босу ногу, проворно спустился с трех ступенек крыльца, зашаркал к гостю. Приобнял, приложил свою небритую щеку к небритой Мишиной, потряс руку.

– Ну, проходи, чего стал-то? А старуха твоя где нынче? Без нее, что ли?

– Моя старушка умная, – усмехнулся Алдошин. – После прошлогодней теплой встречи предпочитает машину!

– Да ну, ерунда какая! – взмахнул руками Степаныч. – Моя Рузайка зимой околела, соседские барбосы тоже куда-то подевались, не видать... Смело выпускай!

– Ну, раз так... Улька, на выход! – Михаил открыл пассажирскую дверцу, выпустил все еще настороженного спаниеля. – Я гляжу, у тебя нынче гости, Степаныч? Не стесню?

– А-а, гости! – хозяин махнул рукой. – Он только машину на пригляд оставил, сам у Евдокимовых ночевал. Ему «удобства» во дворе не в жилу, а там машину, считай, на улице оставлять надо. Вот и оставил у меня свой джип... Да ты проходи, проходи, Миш!

Приглашение подтвердила и появившаяся на крыльце «половина» Степаныча, молчаливая тетка лет сорока с хвостиком. «Половины» у старого холостяка менялись практически ежегодно, и запоминать их имена Алдошин даже не пытался.

– А гостинцы? Может, сначала жарчку примешь, Степаныч? – Алдошин взялся рукой за сдвижную заднюю дверь салона микроавтобуса. – Все, что просил, привез!

– Ну, давай с гостинцами разберемся, – легко согласился Степаныч, обернулся к «половине». – Есть в кладовке место, Маруся? Помогай тогда! Мишаня мой пустым никогда не ездит! Чтобы я без него делал-то!

С помощью Маруси быстро перетаскали в кладовку две сетки репчатого лука, пластиковые корзинки с россыпью банок тушенки и прочих немудрячих дешевых консервов, пару коробок китайских помидоров, прикрытых сверху мини-сеточками китайского же чеснока, мешок комбикорма для домашней птицы. Продукты, приготовленные Алдошиным для собственного потребления, были аккуратно сложены сразу за передними сиденьями. Степаныч лишь с зави-

стью поглядел на запечатанные три коробки с водкой, нарочито громко вздохнул. Маруся же при виде водки помрачнела и кинула на гостя неприязненный взгляд.

– Не хмурься, дура! Мишаня у нас не запойный, это ему на все лето, считай! На раскопках без «дезинфекции» никак нельзя! – Степаныч все-таки прерывисто вздохнул, с трудом отворачиваясь от заветных коробок.

– И ты не переживай, Степаныч! – засмеялся Алдошин, хлопнув рукой повешенную на плечо увесистую сумку с гостинцами для застолья. – Всем всего хватит!

– Кто бы сомневался, Миш! – обрадовался хозяин. – Ну, пошли в дом! Марусь, яишенку бы человеку с дороги! Ну-ка, расстарайся! Зеленым лучком посыплем – весь день человек в дороге, ему домашним брюхо расслабить требуется!

– Три десятка я уже для Верки отложила, обещала ей, – попробовала возразить «половина». – А за сегодня мало нанесли куры-то...

– Ты чего несешь, дура! – прикрикнул хозяин. – Что человек об нас подумает? В гробу я твою Верку видал!

– Да ладно, Степаныч! С соседями ссориться нельзя, – попробовал погасить назревающий конфликт Михаил и вжикнул молнией. – У меня в сумке и без яишницы хватит! Вот, хозяйка, принимай! Батон «докторской» колбасы вареной, палочка «брауншвейгской», шпроты... Одну баночку шпрот, не обессудь, мы со Степанычем нынче приговорим, видимо!

Опустошая сумку, Алдошин завершил демонстрацию пузатой бутылкой «финки». Однако хозяин продолжал зло глядеть на «половину», и та под его взглядом нехотя и как-то вынужденно улыбнулась:

– Счас, сделаем! Верка и двумя десятками обойдется – извините бабу на дурном слове, господин-товарищ гость!

Скворчащая на объемистой чугунной сковороде яичница, с ярко-желтыми, не по-городскому бледными желтками, украшенная мелко покрошенным зеленым луком, и вправду стала украшением стола. От тарелки Алдошин отказался – ели из сковородки, подставляя под капающие маслом куски ломти домашнего хлеба. После второй стопки хозяин, предупреждая распросы гостя, заговорил о ранее прибывших.

– Так что нынче конкуренты ты опередили, Миш! Ну, Витьку ты знаешь, и «лохмот» его эскудовский-паскудовский узнал, верно?

– Что ж ты уважаемого человека Витькой обзываешь? – недобро усмехнулся Алдошин, цепляя вилкой последний желток со сковороды. – Виктор Иванович у нас давно в бизнесменах, два магазина профильных в Южно-Сахалинске имеет. На «лексусе» по островной столице передвигается, а «лохмот» только для поля держит...

– А-а, плевать мне на него и на евойный бизнес, – махнул рукой Степаныч. – Третий сезон приезжает – и хоть бы луковицу привез, засранец! Видно, не шибко весело его дела в торговлишке идут – ну да бог с ним! Вот человечек с ним нынче приехал – тот, по всему видать, высокого полета птица! Как звать-величать – и не знаю даже. Не представились! На двух джипах, с двумя охранниками, твою мать! Витька уж перед ним вьется, вьется... Вымыть джипы потребовал, прикинь! От кого потребовал, а? Хоть и от бывшего, но все ж председателя шахтного профкома! Если по-западному, профсоюзному боссу! Нет, Миш, как тебе, а? Тебе, допустим, я по дружбе автобус помою. Без всяких просьб, без оплаты – из уважения! А ему я с какой радости должен мыть?!

Алдошин, переживая словесную бурю, только хмыкнул и налил по третьей. Звякнул краем своей стопки по более емкой посудине хозяина.

– Не кипятись, Степаныч! Нервы беречь надо, выпей лучше! – сам же до дна пить не стал, знал – за хозяином не угонишься. – Ты говоришь – на двух джипах гости прибыли – а где второй-то? И сами гости куда пропали?

– Как куда? Думаю, на твой участок подались. Уплыли утром еще, – Степаныч взял в руку плоскую жестянку со шпротами, выгреб содержимое вилкой, допил через край, чтобы не пропало, масло. – Слышь, Мишань, второй-то человек, которого с охраной персональной Витька сюда привез – москвич, Абвер! И лодка у него хоть и надувная, а не чета твоей! Я такие в фильмах только видел, десантная, с двумя моторами. На отдельном прицепе везли. Один охранник с ними уплыл, а второй у нас в поселке остался. Связь поддерживать – у них телефон какой-то особый, спутниковый. Сотовые-то телефоны у нас в поселке, сам знаешь, только на сопках работают, да и то по погоде глядячи...

– Да знаю, знаю, Степаныч! Ладно, бог с ними – с Витькой, с Абвером его. Завтра увижусь, сам определю. Ты про себя расскажи лучше, про жизнь свою.

– Да разве это жизнь, Миш? Поселок как умирал, так и умирает. Работы нет, народ поразъехался. А который остался – на шее у нас, пенсионеров сидит. Мы, Мишаня, нынче самые уважаемые люди! Со стабильным пенсионным доходом!

Михаил едва подавил зевок: все эти рассуждения были ему давно знакомы. И вопрос о жизни умирающего экс-шахтерского поселка он задал чисто из вежливости, для поддержания разговора. И еще, конечно, чтобы увести беседу с неприятной для себя темы. За последние шесть лет, встречаясь со Степанычем всякий раз по пути в поле и обратно, здешние беды он выучил наизусть – так же подробно, как и привычки и обыкновения хозяина. Вот сейчас, вдоволь наплакавшись, тот обязательно повернет на гостя. Начнет корить его за легкомыслие и наплевательское отношение к собственной старости... Ну, вот, так и есть!

– А ты, Мишаня – извини, конечно, так на работу не устроился? Хоть для проформы, для пенсии? Ты ведь тоже без пяти минут как пенсионер! Нашего, пенсионерского полка, «кавалеристом» станешь! Или не думается пока об этом?

– Степаныч, давай прекратим на эту тему, а? – лениво растянул Алдошин. – У меня ведь есть кому плешь проедать! Жена, Ниночка ненаглядная, мастерица такие вопросы задавать...

– И что ж ты ей отвечаешь, интересно мне знать? Ну, хоть в порядке обмена опытом рассказал бы, Мишаня!

– Я ей, Степаныч, шкатулку всякий раз показываю. Есть у меня дома такая японская шкатулочка из раскопов, себе оставил, продавать не стал. Хорошенькая такая вещица, раковинами оклеена почти сто лет назад. В земле сколько пролежала – а отмыл, почистил, дерево маслом гвоздичным смазал – и как новая! Так вот: в шкатулке той мы с Нинкой бюджет семейный держим. Показываю ей шкатулку и говорю: вот когда, супруга моя драгоценная, сия шкатулка дно покажет – вот тогда и пили меня на здоровье целыми днями!

– И что, не показывает дна шкатулка? – завистливо поинтересовался Степаныч.

– Пока нет! – хохотнул Алдошин. – Я, как только вижу, что вот-вот дно откроется – пополняю баланс... И Ниночка тогда на другую тему дискуссию открывает – ну вот как ты сейчас, Степаныч, собираешься! Что, не так?

– А хоть бы и так, Миш. Мы с тобой, конечно, не дружбаны закадычные. И к своим делам ты меня, как и Нинку свою, близко не подпускаешь. Но по-приятельски скажу: коли твои копания такой доход приносят, что без твердой зарплаты семье два десятка лет жить позволяют – этот самый доход и заинтересовать может кой-кого для твоего бизнеса нежелательного!

– Да говорено с тобой об этом двадцать раз, Степаныч! – Алдошин позволил себе откровенно зевнуть. – Нету в моем бизнесе криминала! И проверяли, и таскали не раз, да все без толку! Извинялись и отпускали...

– И еще двадцать раз отпустят, – стоял на своем Степаныч. – А на двадцать первый раз дотошный человек с погонами на твоём пути попадет. Поглубже копнет...

– Чудак ты, Степаныч, ей-богу! Чтобы на нашего брата, копаря, дело «накопать», криминал «пришить», надо поймать его за руку на культурном слое, представляющем государственный интерес. А я, к примеру, такие участки на нашем благословенном острове наперечет знаю.

И близко к ним не подхожу, усек? Мой интерес – поверхностный слой земли! Другая возможность – поймать копаря на незаконной продаже предметов старины, представляющих историческую ценность. А чтобы продать нечто, надо это нечто найти. А я чего нашел, Степаныч?

– А я откуда знаю?

– Вот видишь – не знаешь! – хохотнул Алдошин. – И никто не знает! В инете на сайтах – форумах я не свечусь, в поставщиках у барыг не числюсь. За что меня привлекать? Ну, при старом УК могли хранение холодного оружия пришить – так времена-то изменились! Настоящего «холодняка» новодельного нынче и на открытых прилавках полно...

– Но ведь сколько лет не работаешь, а живешь на что-то! – упорствовал хозяин.

Не со зла, конечно, упорствовал, а так – из пьяненького упрямства, лишь бы правоту свою доказать, Алдошин это понимал. Но тема была скользкой, и он решил ее закрыть.

– Консультации даю, понял? И хватит об этом!

– Как знаешь, Мишаня... Да ты не обижайся, я ведь по-свойски, о тебе же забочусь.

– За заботу спасибо, Степаныч. Давай по последней, и я спать пошел. Ты хозяйствуй тут, «добивай» водочку, коли лезет, а мне завтра пахать надо. Лодку-то поможешь завтра пораньше накачать и перевезти в море?

– Не беспокойся! Я у тебя в вечных должниках, Миш. Все сделаем! – уверил хозяин. – А ты иди, моя благоверная постель с утра уже приготовила. Спаниелька твоя не стала от старости по ночам скулить?

– Улька собака правильная, хоть и с придурью старческой, конечно. Ты не беспокойся, Степаныч! Сейчас ее выведу перед сном, и до утра ты ни ее, ни меня не услышишь! Спокойной ночи!

– Ага, – хозяин уже пододвигал к себе остатки «финки», городскую закуску.

Утром Алдошин проснулся от холода и некоего настойчивого шуршания. Приподнялся на продавленном гостевом диване, с тревогой глянул в сторону окна. Шуршало там: по стеклу торопливо сбежали вниз косые струйки дождя. Его капли перемежались с мелкой дрянью – то ли градом, то ли снежинками. Холодом несло тоже от окна: хозяин явно поспешил снять внутренние рамы, патриархально-деревянные, с облупившейся голубоватой краской. Снятые рамы стояли тут же, в простенках.

Велком на наш прекрасный остров! Тут даже в середине мая ноябрьская погода. Если не декабрьская, мрачно поправился Алдошин.

Он соскочил с дивана, прошлепал к окну и выплянул наружу, с тревогой ожидая увидеть признаки ветреной погоды. Здесь, у побережья Татарского пролива, непогода «баловала» людей особо и часто. Татарский пролив вообще издавна славился капризной непогодой, бури налетали здесь часто и внезапно. Серая неласковая вода пролива тут же превращалась в череду увенчанных белыми гребнями пены грозных водяных валов, норовящих опрокинуть и отправить на дно не то что легкие посудины, но и солидные многотоннажные морские суда.

Михаил несколько раз был застигнут внезапной бурей на своей выдавшей виды надувной лодке КМ-300, причем последние два раза посудина была загружена добычей до пределов. Кончилось все более-менее благополучно – не считая смытого волнами снаряжения и потраченных нервов. Однако впредь выходить в Татарский пролив при малейших признаках надвигающейся бури он зарекся.

Алдошин выдернул из-под продолжающей спать Ульки приготовленную накануне рыбацкую робу, оделся. Вслед за ним спаниелиха тоскливо глянула на окно, однако хозяин не собиравшись снова ложиться, и собака примирилась с неизбежным.

В доме было тихо. Выйдя на крыльцо, Алдошин понял почему: хозяева, несмотря на его ранний подъем, встали еще раньше. Степаныч умащивал уже надутую лодку в тракторный прицеп, его половина гремела чем-то в сараюшке.

– Привет, Мишаня! – махнул рукой хозяин. – Как тебе погодка наша?

– Бр-р!

– А что ты хотел? – резонно спросил Степаныч. – Это Сахалин, не Абхазия тебе какая-нибудь! И май ты сам выбираешь все время...

– Дураков нету отправляться в поле попозже, когда медвежья дудка в рост человека вымахает, а раскопы в джунгли превратятся, – традиционно ответил Алдошин. – Ты лучше скажи, как прогноз на сегодня?

– С прогнозом все вроде тик-так. Портовые клянутся, что до обеда безветрие гарантируется. А иначе чего бы я с лодкой твоей поспешал?

– Ну, ты старый ударник комтруда, Степаныч, – усмехнулся гость. – А мотор-то где?

– Мотор твой Сашка-тракторист еще час назад увез в портовые мастерские – чтобы проверили все как следует, погоняли. Ты ж его, поди, всю зиму с прошлого сезона в гараже или на балконе продержал? Не почистил ни разу, ревизии своему кормильцу не дал?

– Ты у меня провидец прямо, – хмыкнул Алдошин. – Сколько?

– Литр, как водится, – пожал тот плечами. – Не считая доставки в порт твоих бебехов и погрузки-разгрузки...

– Понятно, – Алдошин кивнул, досчитывая про себя. Литр водки – это чисто профилактика. Которая, как правило, выявляла в подвесном лодочном моторе некий страшный «дефект», который непременно проявился бы по выходу в море. Его устранение – как правило, еще литр. Если не совсем оборзели тутошние механики и мотористы. – Позвонить Сашке твоему никак нельзя, поинтересоваться результатом? Я пораньше хотел выйти...

– А позавтракать? – тоже традиционный ход хозяина, рассчитывающего на пару похмельных утренних стопарей.

– Некогда, Степаныч! Да ты не волнуйся, за диваном поправиться чем найдешь...

– Обижаешь, Мишаня! Я ж не к этому! – нарочито надулся хозяин. – О тебе забочусь!

– Поехали к причалу, – решил Алдошин. – Там и поторопим твоего Сашку.

Махнув приветственно рукой выглянувшей из сараюшки хозяйской «половине», Алдошин угнездился в микроавтобусе, прогрел мотор и тронулся в сторону порта. На полпути встретили и Сашку, поспешающего за прицепом с лодкой. Перекинулись парой фраз – как и предполагал Алдошин, «ребята с мастерских заканчивали обиход лодочного двигателя, и на причал обещались доставить его сами».

В море, как и думал Алдошин, удалось выйти только через час...

05

Сахалин, западное побережье острова, 2011 год

За волноломом старенькую лодку Михаила стало потряхивать и бить в дно сильнее. Выйдя из бухты, он направил тупой нос «каэмки» на север, прижался ближе к берегу. Серые скалистые очертания береговой линии, едва тронутые зеленью первой пробивающейся травы, были неудобны и мрачны. Низкие рваные облака дышали холодом.

Алдошин ссутулился на задней банке, до конца поднял молнию на робе, вязаную шапку натянул до самых бровей. В такую непогоду нипочем не верилось, что где-то на свете есть солнечные и теплые места, где море ласково, а берега так и манят пристать и раскинуться навзничь на горячем песке пляжа.

Не прибавляло ему настроения и предстоящая встреча с Витькой, притащившем с собой еще и какого-то столичного Абвера. Сезон Михаил предпочитал начинать в одиночестве – так было приятнее и легче.

Первые его годы в поле так и было – копарей было несравнимо меньше, чем нынче. А мест для хабара, наоборот, становилось меньше.

Нынешних копарей Алдошин, подобно многим старым поисковикам, очень не любил. Практически все они были «ямщиками», разменивающимися до таких «мелочей», как засыпка нарытых самими же ям на раскопах. У многих было дорожное поисковое оборудование – профессиональные металлодетекторы со сменными «снайперскими катушками» на все случаи жизни, финские лопаты с титановыми клинками и эргономичными черенками в нескользкой пластиковой «обертке», мощные GPS'ки и рации дальнего действия, каких не купишь в обычном магазине. Упакованные дорогим снаряжением под завязку, они не имели главного – копарского чутья, интуиции поисковика. Понимая это, новые копари норовили набиться в компанию к «старичкам», напропалую хвастались своей упакованностью, снисходительно поглядывали на некондиционное оборудование зубров поискового промысла и небрежно обещали содействие деньгами и оборудованием.

Вот и Витька Семенов был из таковых копарей – хоть и старичок по возрасту, а в поисковом деле – «проперухин». Начинали они с Михаилом практически одновременно. Но у Алдошина пошло, а у Витьки пороку не хватило проводить по два-три месяца без привычных городских удобств, а в финале и без удачных находок. Правда, у Витьки оказался хороший козырь: будучи выпускником Бауманского, он оказался и хорошим инженером-электронщиком. И к тому же быстро сообразил, что переделывать грубые заводские катушки под тонкий поиск можно не только для себя, но и на продажу.

На раскопы Витька ездить моментально перестал, сгонял куда-то в Казахстан, на закрытый по смутному перестроечному времени некогда секретный завод. Привез оттуда целый контейнер какой-то особой «космической» проволоки, коей до перестройки комплектовали якобы только «Союзы» и «Востоки», да еще ядерные заряды на Семипалатинском полигоне. И начал мастерить свои фирменные катушки для металлодетекторов – причем такие «снайперские», что за ними знающие люди приезжали с другого края России и даже из зарубежья.

Сколотив первичный капитал и попутно обзаведясь знакомствами среди копарей и барыг, Витька Семенов акцент с катушечного бизнеса перенес на «антикварку», открыл пару магазинов и салон, и здесь тоже преуспел. Так и жил: и раритеты из раскопов в руках держал постоянно, и не мотался за ними черт-те куда.

Он и Михаила постоянно звал – то в компаньоны, то в постоянные поставщики. Алдошин не шел ни в первые, ни во вторые. Что-то всегда подсказывало ему, что не стоит этого делать. Со временем это «что-то» обрело вполне осязаемые и наглядные черты. Своих торговых компаньонов Витька нещадно использовал, доил и выкидывал из бизнеса. А поставщиков

«сдавал» компетентным органам не только когда те прижимали, но и когда копари-полевщики не желали сдавать ему нарытое тяжким трудом по смешным ценам.

Сам Алдошин, как показало время, оказался «везунком». Было у него чутье на ценные находки. Хватало и ума не афишировать их за «рюмкой чая» и на родном острове вообще. Не торопясь, с оглядкой, он свел знакомство с двумя барыгами – уральским и столичным. Им и сдавал время от времени раритетный хабар – сильно не дорожась, чтобы не возникло соблазна навести на него милицию-полицию или крутых ребят, но и не демпингуя, чтобы не попасть в список лохов.

Слушок по сахалинским коллегам-копарям о его удачливости со временем все равно, конечно, прошел. И до борцов с преступностью докатился – но тем дело и кончилось. Его личная домашняя коллекция – в основном периода Русско-японской войны и довоенной «японщины» на юге острова – была весьма скромной. Кое-кто, правда, уверял, что выставленные на двух этажерках керамика и фарфор, японская печка в углу под балконом, пара сильно проржавевших касок и обломок клинка самурайского меча на стене – только для «замазывания глаз». И что настоящие раритеты из коллекции он показывает только избранным – но даже самые близкие друзья «везунка» уверяли, что «ничего такого» сроду не видели. Алдошин никогда не наглед, сдавал находки на продажу только на «прожитуху» – и от него постепенно все отстали. Ну, ездит в поле постоянно. Что-то там находит – так для себя же главным образом. Ни «хаммеров», ни коттеджей не нашёл, жена шубы не меняет как зонтики. Не ради наживы копает, а ради удовольствия – ну и бог с ним, с Мишаней-Везунком!

Время от времени интерес к нему все же обострялся, и однажды Алдошин, вычислив источник такого нездорового интереса, от контактов с барыгой-уральцем напрочь отказался. Без скандалов и разоблачений – просто перестал возить в Екатеринбург хабар, и все! Барыга пожалковал, попытался исправить отношения, даже извинялся – «если что не так получилось». Но Мишаня-Везунок оказался тверд, подозрениями барыгу оскорблять не стал, мило улыбался: просто кончилось мое копательское везение, парень, вот и все!

Солнечный тусклый круг за сплошными облаками между тем взбирался все выше и выше. Теплее от этого, правда, не становилось, но конечная цель путешествия ощутимо приближалась. Этой целью был наверняка процветавший в первой половине XX века японский городишко с небольшим портом.

В 1945 году советская авиация, внося свой вклад в освобождение Южного Сахалина от оккупантов, не пожалела на этот городишко тяжелых бомб. Уцелевшее население попряталось от нагрянувшего следом десанта в окрестной тайге, потом попробовало вернуться и что-то отстроить, но осевшие в островных городах и весях советские воинские команды, как и все победители, не слишком церемонились с побежденными и их имуществом, и японцы покинули это место. Без разрушенного порта и при отсутствии дорог городишко был обречен, и вскоре победители покинули его вслед за побежденными... Остальное сделало безжалостное время – от домов остались одни заросшие фундаменты и черная труха сгоревших стен и крыш. От местного кирпичного заводика и того не осталось.

Отсутствие подъездных путей на долгие годы словно законсервировало это место, сделало мертвый городишко желаемым объектом для нынешних копарей. Умные люди умели пользоваться архивами. И сделали вывод из того, что достаточное время между бомбежкой и высадкой десанта дало местному японскому населению возможность собрать в своих домах наиболее ценные вещи и попрятать их в надеждах на возможные перемены. Никаких особенных изысков здесь найти и не мечталось, конечно, да ведь и курица по зернышку клюет! К тому же все копари свято верили в Случай, в Удачу – а вдруг! Ведь и известный всем школьникам Генрих Шлиман, безо всякого археологического образования и лицензии на раскопки, выкопал в свое время Трою!

Время от времени Алдошин брал бинокль – естественно, цейсовский, откуда-то из раскопов под Ленинградом – и через его линзы искал на берегу одному ему ведомые приметы приближения к нужному месту. Не то чтобы он боялся его пропустить – мимо небольшой и весьма уютной бухточки, в которой и был оборудован некогда порт, и захочешь, не проплывешь! Просто это была для него долгожданная еще с прошлого лета встреча с Прошлым.

Вот и большой Белый камень – сейчас, метров через двести, берег словно расступится перед путником и перед глазами возникнет та самая бухточка...

Алдошин прижал лодку еще ближе к берегу, убавил газ и сел на банке поровнее. Как ни странно, Улька, до сих пор дремавшая со спрятанным под задней ногой носом, тоже словно почуяла знакомое место. Зевнула, потянулась по-собачьи и выжидательно уставилась вечно грустными спаниельными глазами в нужную сторону. Михаил усмехнулся, обогнул знакомую корявую иву, вот уже сколько лет полощущую голые ветки в мелкой волне и круто повернул вправо.

Бухточка сразу открылась ему в первозданной своей, простой и без изысков, красоте. Эта красота, правда, была несколько обманчивой: у самого удобного на неискушенный взгляд места для высадки в воде таились обломки разбомбленного причала с острейшими кусками арматуры, которые и нынче, спустя шесть десятилетий после последней войны, могли легко вспороть днище не только резиновой или пластиковой лодки, но и стальную обшивку. По этой причине знающие люди причаливали здесь гораздо ближе к горловине бухты.

Хоть и ожидал Алдошин увидеть здесь нечто подобное, но все ж крякнул с досады: прямо на его законном месте, у россыпи валунов нахально «разлеглась» наполовину вытащенная на мелкую гальку между валунами лодка. Да какая! Огромный, как сдвоенный нильский упитанный крокодил, черно-серый Zodiac армейского назначения.

Михаил совсем сбросил газ, на инерции подплыл совсем близко – да, так и есть! Скромное наименование модели Futuro Commando – усиленный транец для крепления двух мощнейших моторов Suzuki, три надувных кия, развертываемые алюминиевые слани с зафиксированной доской в носовой части, клапаны автоматического удаления забортной воды, баллон со сжатым воздухом... Сами моторы – это, конечно, отдельная «песня» – не без зависти подумал Алдошин, разглядывая лодку. По три сотни «лошадок», не меньше! На такой «лодочке» он бы и в шторм не побоялся в море выходить!

– Что, нравится посудина? – Голос с берега был тихим и в меру насмешливым. Таким уверенным тоном говорят с провинциалами московские Абвери.

Интересующийся стоял на берегу – спокойный и уверенный, в армейской робе голландского производства, перепоясанный какими-то ремнями и даже с поясной кобурой, из которой выглядывала черная рубчатая рукоять тяжелого пистолета. Нож – в чехле чуть выше правого колена. Из одного нагрудного кармашка выглядывает верхняя часть рации, из другого – трубка спутникового телефона с коротким штырем залитой пластиком антенны. В руках москвич держал еще какой-то прибор с необычной антенной.

– Неплохая лодочка! – согласился Алдошин, с иронией поглядывая на экипированного с ног до головы Абвера. – Тесновато ей только тут, на моем исконном месте. Надо было вам подальше причалить...

– В тесноте да не в обиде, – тут же с готовностью отозвался незнакомец. – Там дальше камни крупные по берегу, выходить неудобно. Надеюсь, что вы, как радушный хозяин, позволите гостям такую вольность?

– Конечно, позволю. А осенью к вам в Москву приеду, да на ваше парковочное место свою арендованную машинешку поставлю. Ничего? – Алдошин выбрался из лодки с причальным концом в руке, прошел мимо незнакомца, задев его плечом.

С силой подтянул лодку повыше и привязал веревку к толстой лиственнице, сбежал мимо москвича к воде, начал сноровисто разгружать лодку. Улька тем временем тоже выбралась

на берег, подбежала к незнакомцу и со свойственной спаниелям ласковой общительностью закрутилась у его ног, изо всех сил работая обрубок хвоста. Закончив с разгрузкой, Алдошин накинул лямки одного рюкзака на плечо, прихватил второй рюкзак и ящик с консервами и без улыбки уже попросил москвича:

– Вы бы, приезжий господин, с тропки отошли – боюсь, задену вас снаряжением!

– Конечно, конечно, кто бы спорил! – Незнакомец отошел в сторонку, а когда Алдошин пропыхтел мимо него с грузом, зашагал следом, продолжая сосредоточенно разглядывать монитор чудного прибора.

У избушки, собственноручно перевезенной сюда в разобранном виде Алдошиным, горел костер. Рядом в парусиновых креслах сидели двое мужчин, один из которых был тем самым коммерсантом Витькой Семеновым. Глянув на второго, Алдошин про себя чертыхнулся: вот он, истинный Абвер! Выходит, он на берегу охранника-телохранителя за серьезного московского деятеля принял!

– Здорово, Мишаня! – Семенов выбрался из кресла, с широкой улыбкой шагнул к Алдошину, потряс руку и даже приобнял за плечи, чего раньше за ним не водилось. – А я тебе тут гостя без предупреждения привез. Из Москвы! Знакомься – это Владислав Николаевич! Он, можно сказать, специально по твою душу на наш благословенный остров прикатил, так что цени, Миш!

Обернувшись к москвичу, Семенов словно подавился под его тяжелым взглядом и улыбку свою моментально проглотил, поняв, что ляпнул лишнее. А Владислав Николаевич перекатил глаза на Алдошина, чуть привстал с кресла и протянул руку – так что тому пришлось спешно побросать поклажу, обойти вокруг костровой ямы, чтобы эту мягкую руку принять и деликатно пожать.

– Что ж ты человека путаешь, Витя? – укорил москвич, глядя не на Семенова, а на Михаила. – В ДФО у меня и без уважаемого господина Алдошина дел накопилось. Ну, а раз уж попал к вам на Сахалин – и с местной знаменитостью счел нелишним познакомиться! Михаил... А по батюшке как величают вас?

– Тоже Николаевичем. Но это не обязательно. В поле мы тут без особых церемоний, Владислав!

Алдошин сразу решил навязать непрошеным гостям свои правила общения. Будь этот москвич трижды Абвером, по отчеству он его знать не будет! Был бы старцем из академии наук (сюда приезжал как-то и такой) – дело иное, там уважительность высказать не грех, язык узлом не завяжется. А этого Абвера Алдошину уважать пока не за что. И еще он подумал о том, что проговориться о том, что москвич специально приехал сюда для знакомства с ним, Витька мог и не случайно. Мог и кино разыграть – чтобы Мишаня-Везунок загордился, расслабился.

На фамильярность обращения москвич только чуть прищурился – не ожидал, видать. Но ничего, улыбнулся вежливо:

– Ну, без церемоний так без церемоний, Михаил. Оно и правильно – не на великосветском приеме, верно? – И чуть повернувшись к телохранителю, чуть жестче распорядился: – Семен, помоги-ка человеку снаряжение перенести! Ты тут не на отдыхе, я так полагаю.

– Счас сделаем, Владислав Николаевич! – Телохранитель легко крутнулся на каблуках и направился к берегу.

– Мы тут без вас, Михаил, в избушке вашей поселились без спросу. Тесновато, конечно, втроем будет... Не будете возражать? Вы скажите, если что – Семен мигом мою палатку поставит.

– Да нет, нормально все! И впятером, случалось, ютились, – уверил Алдошин. – А почему вы говорите – втроем? А Семен этот ваш?

– А у него по ночам бессонница профессиональная, – негромко хохотнул москвич. – Ходит вокруг избушки с колотушкой, стукотит, злых людей, духов и живность свирепую отго-

няет! Вы не беспокойтесь за него, он привычный. В Чечне закалку получил... Да и ненадолго мы к вам, полагаю: вопросов много нерешенных. Позавтракать в поселке успели, Михаил? Если нет – могу составить компанию. Сейчас Семена озадачим – он и повар, доложу вам, изрядный, помимо прочих достоинств.

– Не откажусь, – согласился Алдошин, решив про себя, что чем раньше он выяснит причину нешуточного к себе интереса Абвера, тем лучше.

– Ну вот и славно! Витя, ты костер пока оживи, не стой без дела! – распорядился Абвер. – А мы пока с Михаилом посидим, поближе познакомимся...

На Семенова и смотреть-то жалко. Только что он был если не равным Абверу партнером, то коллегой, человеком, к мнению которого прислушиваются большие люди. Был достойным собеседником Владислава Николаевича. И на тебе, словно разжаловали из фельдфебелей в говночисты, веселился про себя Алдошин. Костер велели, как пацану сопливному, распалить. Давай-давай, «костровой мальчик», старайся! А люди тем временем о делах побеседуют...

Однако разговор пока не клеился. Москвич задал несколько вопросов – про погоду, по копательскому профилю – Михаил отвечал односложно, мелким бисером не рассыпался.

Семенов, «зарядив» костер как следует, уселся на корягу недалеко от собеседников, полуотвернувшись, и с подчеркнутым вниманием наблюдал над поварскими усилиями телохранителя. А тот даже передник повязал – чтобы не брызнуть чем, не испачкать щегольскую униформу класса «милитари». Закончив свои священнодействия у костра, Семен принес из избушки складной столик, сервировал его и негромко отрапортовал:

– Все готово, Владислав Николаевич! Прошу...

– А-а, ну давайте, давайте, мужики! – Москвич первым переставил свое кресло поближе к столу, взглядом пригласил присоединиться и враз повеселевшего Витьку. Семен уселся несколько поодаль, принес для себя складную табуретку с полотняным верхом.

– Ну, как будем со «шпапсом» поступать? – спросил москвич. – Рановато, конечно, понимаю. Но всех копательских заморочек не знаю, грешник. Может, положено?

– Насчет положено – не положено каждый сам решает, – Алдошин взял у телохранителя приготовленную им фигурную бутылку с «Хеннесси». – А «земляному деду» налить непременно положено! Иначе удачи в поле не видать!

Отойдя немного в сторону, Алдошин выбил ударом каблука в дерне ямку, щедро плеснул в нее коньяка. Бутылку вернул на стол, пояснил:

– Лично я пока пить не стану. Потому как после завтрака собирался на раскоп пробежаться, поглядеть – что и как. Маршрут наметить на завтра. Медвежьи следы поищу вокруг. Потом проволоку вокруг лагеря нашего тянуть надо. Ну, а потом поглядим. В трезвенники пока не записывался.

– Понятно, – кивнул Абвер. – Поскольку я хотел к вам в компанию приобщиться, то я тогда тоже воздержусь. Вы как, не возражаете против моей компании, Михаил? Ну и прекрасно! Тогда вопрос позвольте: что тут с медведями? И зачем проволока?

– Ну, насчет медведей вам Виктор должен был рассказать, – усмехнулся Алдошин. – Вы же со вчерашнего дня тут! Ну, вы-то человек тут новенький, Владислав, а вот он из местных, и в «камадах» раньше вроде числился, а, Витек?

– Да я упоминал про медведей Владиславу Николаевичу! – вспыхнул тот. – Карабин сразу приготовил, да и у Семена «пушкарь» на поясе получше иного карабина будет!

– Места тут безлюдные, десятка на два-три километров в округе не то что жилья – дорог проезжих нет. Так что для медведей тут вольница, – пояснил Алдошин. – А в тайге еще снегу по колено, так что им пока голодно после спячки. К побережью часто выходят, по-над морем слоняются, ищут – может, падаль какую прилив выбросит. На полянках травку молодую ищут, корешки копают. Нет, Витька, ты что, серьезно следов не видел вокруг? Или вообще не ходили вчера никуда?

– Не искал я следов медвежьих! – буркнул Семенов. – Так, поглядывал – не видать вроде...

– Так в зоопарке поглядывают, – серьезно упрекнул Алдошин. – Там можно, там решетки.

– Поня-я-ятно! – снова протянул Абвер, неопределенно взглянув на Семенова. – А проволока, как я теперь понимаю, это для ночного бережения от тех же медведей? И что, помогает?

– Железо зверь сразу чувствует. Наткнется на проволоку – перешагивать не станет. Правда, это я только со слов бывалых таежников говорю, – признался Алдошин. – На личном опыте не проверено. Но я еще на проволоку банки пустые цепляю с камешками либо железками внутри. Полезет зверь либо человек, заденет проволоку – тут и Улька моя проснется, меня разбудит.

Позавтракали после обмена мнениями в молчании. К коньяку никто не притронулся. Собираясь на раскоп, Алдошин распаковал двустолку-вертикалку, нацепил короткий патронташ с дюжиной патронов. В карман сунул ракетницу. Выйдя из избушки, он стал свидетелем окончания короткого спора Абвера с телохранителем.

– Владислав Николаевич, человек же говорит – медведи голодные тут! – умоляющим баском настаивал Семен. – А я за вашу охрану бабки получаю! Почему мне нельзя с вами?

– Потому что день на дворе, Семен! И я взрослый! Карабин возьму, вот и двустолка у человека. Справимся, не переживай!

– Владислав Николаевич!

– Семен! Расчет получить хочешь? Не хочешь? Ну и заткнись тогда.

– Может, я тогда с вами, Владислав Николаевич? – несмело встрял Витька. – Разговорам вашим не помешаю, если что – сзади на расстоянии идти буду, подстрахую, ежели что...

– Вот народ! – Москвич матюгнулся совсем не интеллигентно, повернулся к Алдошину: – Михаил, есть необходимость в вооруженном эскорте?

– Думаю, пока нет...

– Вот и прекрасно! – прекратил прения Абвер.

– Миш, возьми-ка мою джипизску, – попросил Семенов.

– Зачем? Думаешь, заблужусь на своих-то «огородах»? – насмешливо поинтересовался Алдошин.

– Да брось ты! Проверить в работе прибор хочу. Я вчера, когда на твой раскоп с Владиславом Николаевичем ходил, брал его. Вроде не то показывает...

– Тогда давай, – Алдошин повесил прибор на шею, свистнул собаке. – Улька, где утки? Пошли скорей!

Старая спаниелиха при слове «утки» едва не подпрыгнула, подобралась, рванулась к ногам хозяина, ожидающе заскулила. Все рассмеялись.

– Вот что значит порода! – отметил Абвер. – И куда только ее меланхолия подевалась! Ну, пошли за утками, барбос! Вы без прибора идете, Михаил? Без металлоискателя?

– Сегодня только разведка...

Шли не спеша, обходя низинки с подмерзшими лужами.

– Далеко от лагеря до ваших «огородов», – заметил москвич. – Километра два, наверное?

– Около того, – согласился Алдошин. – Конечно, ближе хотелось бы базу обустроить, да из-за избушки у самой горловины бухты пришлось обосноваться. Ближе к разбомбленному порту берега неудобные. А бревна я один перевозил на кунгасе, на крутизну не вытащил бы. Ничего, я привык уже!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.